

ЭДУАРД БАРСЕГЯН

СТАРИК И ДЕВСТВЕННИЦА

Эдуард Вагаршакович Барсегян

Старик и девственница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35001654

ISBN 9785449305787

Аннотация

Любовная история на фоне неожиданных политических событий в Армении. Является продолжением авторской книги «Тайна Понтия Пилата».

Старик и девственница

Эдуард Вагаршакович
Барсегян

© Эдуард Вагаршакович Барсегян, 2018

ISBN 978-5-4493-0578-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О, Боже мой, какой изыск:

Она случайно обернулась!

Не я – нуτρο мое взметнулось

И усмехнулось: что, старик?

Другу Герману

Ереван – город армян. Об этом знают все армяне и еще процентов пять жителей Земли. Думаю, это весьма оптимистическая цифра, хотя может вызвать негодование некоторых представителей этноса, в силу относительной малости процента. Но это свойство всех малых народов, и чем меньше их количество, тем более они претендуют на свою значимость в сообществе людей планеты.

Так случилось, что я родился в Ереване более 60 лет тому

назад. Это возраст, когда дети к тебе обращаются как к старику. И это понятно; хотя можешь себя причислить к другому возрастному классу, и это твое право, но суть от этого не меняется.

Мне всегда нравилось прогуливаться по Проспекту от Оперы до Крытого рынка. Проспект – это центральная улица Еревана. Хотя в городе имеется несколько проспектов, этот, как правило, не называют по имени. Будто предчувствуя чехарду с его названием (от Сталина до Месропа Маштоца), жители города прозвали его просто Проспект.

В силу сложившихся обстоятельств, мне все реже приходится оказываться на Проспекте. Но при первом удобном случае, я хожу по излюбленному маршруту, вглядываясь в лица людей. Прогулки одному хороши тем, что позволяют спокойно думать, о чем угодно и делать различные выводы из созерцания окружающего мира, не вступая в спор с сотоварищем по прогулке, если такой вдруг окажется рядом. А мысли приходят разные, порой, гениальные, гениальность которых не надо никому обосновывать. В качестве примера, поделюсь одной из них. Десятилетние прогулки по Проспекту привели меня к мысли, что время для всего живого на Земле не меняется, а если и меняется, то несоизмеримо медленнее, чем это принято. Эта мысль ко мне пришла давно, но мне хотелось иметь хотя бы одно подтверждение этому. Однако такого факта мне не удавалось обнаружить, тем более что не понятно было, в чем он должен был выражаться.

Но, как говорил Луций Анний Сенека, дорогу осилит идущий. Cuts through the path it follows. И я дошел-таки до цели.

Вечерело. Идя по обычному маршруту от Матенадарана, около Оперы я встретил двадцатилетнюю Анну. Мы чуть было не столкнулись. Я извинился, она ответила чем-то вроде улыбки, и мы разошлись. Она меня не узнала, поскольку я ей был просто незнаком. Когда моей Анне было 20 лет, мне было 30. Эта встреча материализовала мою догадку о необычном взгляде на текущее время. Десятки лет я изучал лица прохожих, и они не менялись. Менялись здания, менялась одежда, менялось все. Но неизменным были лица, охватывающий весь возрастной спектр. И еще изменился я! Очень сильно изменился внешне, но внутренняя моя структура осталась неизменной, разве что, подверглась некоторым малым флуктуациям.

Встреча с девушкой, невероятно похожей на мою Анну, подтолкнула меня к систематизации моих обрывочных мыслей о существовании различных координат времени. Действительно, 2500 лет тому назад не было ни Еревана, ни Проспекта, ни, тем более, меня. Где-то здесь были улицы древнего города Эребуни, совершенно ничего не имеющего общего с Ереваном. Но были все те же, двадцатилетние глаза красивой армянки! И в этом смысле, за многие века ничего не изменилось. И так будет много потом. Я понимал, что эта мысль требует развития, но основную концепцию я как-то сформулировал.

Разумеется, мне стали приходить на ум мысли, что эта незнакомка дочь моей Анны. Первым порывом было познакомиться с ней, если так случится, но эту мысль я отбросил, ввиду ее бесполезности. Ведь даже если они родственники, это никак не отражалось на моей трактовке окружающего мира. Единственное, что я вспомнил, как однажды в отчаянии произнес: эти восемнадцатилетние не вымирают!

Тогда мне явилась другая идея: найти в этой проходящей толпе себя! По правде говоря, вероятность такого события была сведена к нулю, но в голове это засело. В конце концов, это мог быть мой внук, о существовании которого мне не известно. Какой нормальный мужчина может отрицать возможность такого факта? И в моих прогулках по Проспекту появилась некоторая осмысленность. Хотя, слово «осмысленность» здесь не совсем верно. Ведь результатом моих прогулок являлось решение некоторых задач, которые приходили в голову. В частности, коль скоро я упомянул о вероятности, скажу о ней. Преподавателям Теории вероятности часто приходится слышать от студентов одни и те же вопросы, где выражаются несогласия с ее идеями и приводятся различные опровержения. Как ни странно, но не все преподаватели находят убедительные ответы на них. И я пришел к простому умозаключению: основная масса людей имеет весьма поверхностные знания во всем, включая и предмет своего профессионализма. И вспомнился Борис Пастернак: «Во всем мне хочется дойти до самой сути». Как видно, вос-

приятие мира напрямую зависит от количества таланта, полученного им от рождения.

Собственно, почему я вспомнил о вероятности? Дело в том, что уже при следующей своей прогулке по Проспекту я встретил себя, молодого! Это произошло в магазине на углу Проспекта и Туманяна, куда я зашел купить пачку чая. Если ты не актер или политик, вечно красующийся на телеэкране, то представить себя со стороны не совсем просто. Поэтому, когда я увидел этого парня, и мне показалось, что он похож на меня, все же полной уверенности в его идентичности со мной не было. Выйдя на улицу, я дождался, когда он закончит свои покупки, и подошел к нему с просьбой мне помочь:

– Простите, у меня проблема с телефоном: никак не могу научиться пользоваться им. Мне позвонил знакомый и попросил перезвонить ему, а я не знаю, как это сделать.

Молодой человек улыбнулся и сказал:

– Мне знакома эта проблема. Многие люди, за исключением молодежи, с трудом обучаются возможностям, предоставляемым современной техникой. А ведь это очень просто. Хотите, покажу, как?

– Пожалуй, нет. Мне не раз показывали, но я каждый раз путаюсь. Для меня проще, когда высвечивается на экране нужное мне имя, и остается лишь нажать одну кнопку.

– Как Вам угодно! Вам необходим последний входящий номер?

– Да, пожалуйста! Его звать Гриша.

Быстро проделав необходимые операции, он вернул мне телефон:

– Всего вам хорошего!

– Спасибо большое! Как вас звать?

– Карен. Если у Вас будут проблемы с телефоном, заходите ко мне в мастерскую на Сарьяна.

– Надо же! – удивился я, – подошел прямо к специалисту. Бывают же совпадения! Если что, обязательно зайду, Карен. Еще раз, благодарю.

На этом мы расстались. После разговора с Кареном, уверенности в том, что это был мой двойник из прошлого, во мне не прибавилось. А ведь лучше всех это могла сделать моя Анна! И тут пришла ко мне интересная идея: познакомиться девушку, так похожую на Анну, с Кареном и со стороны понаблюдать, как будут развиваться между ними отношения. Если мои догадки верны, то я вернусь в события, произошедшие 35 лет тому назад!

Но для этого необходимо было еще найти ту девушку и как-то с ней познакомиться. У меня был лишь один вариант: чаще бывать на том месте и в то же время, где я ее впервые увидел.

На это у меня ушло две недели. Но встретил я ее не там, где задумывал. Все произошло в музее на Площади, где была выставка работ Сальвадора Дали, и я стоял в очереди за билетом. Для Еревана такая выставка была незаурядным собы-

тием, и я не мог ее пропустить. Как ни странно, увидев меня, она подошла ко мне и сказала:

– А мы знакомы! Вернее, я Вас знаю: Вы часто гуляете по Проспекту.

– Да, это действительно так. Надо признать, что многие ереванцы знают друг друга в лицо, хотя и не знакомы между собой.

Она улыбнулась:

– А ведь Вы тоже знаете меня!

– Это правда. Я даже знаю твое имя. Думаю, мой возраст позволяет обращаться к тебе как к девочке. Тебя зовут Анна.

Мне показалось, что в ее глазах появился какой-то восторг и, вновь улыбнувшись, она ответила:

– Да, это так! Но раз большое различие в наших возрастах позволяет нам обходиться без официальностей, то я буду называть тебя Старик. согласишься быть моим дедушкой?

– Разумеется! В просьбе девушки, тем более, такой красивой, мужчине не принято отказывать.

– А ты всегда делаешь то, что принято?

– Это вопрос с подтекстом?

– Нет! Я всегда говорю то, что думаю и поступаю так, как считаю правильно.

– Но это не всегда возможно. Мы живем в потоке людей, где существуют неписанные правила поведения.

– А общество я стараюсь не обижать и плачу ему свою дань. Но в своем кругу общения правила поведения опре-

деляю я, бессовестно пользуясь своей молодостью, красотой и девственностью. Если это кому-то не нравится, я уйду. Правда, такого случая еще не было.

– Да, девственность, как правило, вызывает уважение. Ты всегда ее рекламируешь?

– Разумеется, нет! Лишь людям, с которыми предчувствую общность восприятия мира.

– В последнее время стало модно говорить об экстрасенсах. Ты что, одна из них? Ведь мы впервые друг с другом разговариваем, а ты говоришь о родстве душ. Тем более что нас разделяет пропасть лет.

– Старик, называй это как хочешь, но, если бы это было не так, я не подошла бы к тебе. Мне достаточно было твоего взгляда, когда ты извинился при первой нашей встрече. Если помнишь, я тогда через несколько шагов обернула и увидела, как ты смотришь на меня!

– Не думаю, что для тебя это было чем-то незаурядным. Для красивой девушки такое поведение мужчин входит в обыденность. Ты не допускаешь мысли, что причиной моего необычного взгляда на тебя могла быть не твоя красота, а нечто другое?

– В этом я никогда не ошибаюсь! – самоуверенно сказала Анна. – Возможно, была и некая другая причина, но в той огромной информации, которую несет в себе случайный взгляд, я ошибиться не могла.

– А тебя не удивило, что я знал твое имя?

Анна рассмеялась:

– Почему-то все мужчины угадывают мое имя. В этом они так похожи друг на друга!

Я решил рискнуть: если она действительно дочь Анны (уж слишком она была на нее похожа), то могла бы перенять от нее родинки. И я сказал ей:

– Кроме имени, мне известно еще нечто интимное. Не возражаешь, если я скажу тебе об этом?

– Старик, я же сказала, что всегда говорю напрямую и требую такого же обращения к себе.

– Договорились! Я всегда буду с тобой откровенен. Так вот, я знаю, что у тебя на каждой груди по родинке.

– И большие?

– Да, достаточно.

– Старик, ты фантастичен! Как жаль, что я не могу показать тебе их сейчас! Но обещаю: ты увидишь их.

Она меня явно смутила. Заметив это, она изменила тему разговора:

– Старик, ты любишь живопись?

– Люблю как дилетант. Глубоких познаний у меня нет, хотя имею много друзей художников.

– А разве для восприятия прекрасного необходимы какие-то специальные знания? – возразила Анна.

– Очевидно – нет! – согласился я. – Но определенная подготовка необходима. Это относится ко всему: не может быть одинакового восприятия у профессионала и дилетанта.

– Возможно это и так, но ты забываешь о чувственности, заложенной в нас. А это категория, которая не имеет общей меры для всех. Она исключительно индивидуальна и неопи-суема. Разве можно объяснить чувственность? Моим люби-мым художником является Сандро Боттичелли, но я не смо-гу сказать почему.

– Я понимаю, о чем ты говоришь, но это не противоречит моей мысли. Впрочем, давай займемся Дали – наша очередь подошла.

Выставка привезенных картин Сальвадора Дали занимала два зала. Скорость восприятия картин у каждого посетителя своя. Когда я закончил просмотр картин и вышел в фойе, Анны там не было. Прождав ее некоторое время, я вернулся в галерею, но ее не нашел. Не было ее и на улице. Вначале мне показалось странным, что она ушла, не простившись, но я смирился.

Прогуливаясь ежедневно по Проспекту, я прокручивал в голове варианты «случайной» встречи Карена и Анны. В моем представлении, это было важно, чтобы не было ни-чего искусственного. Основная проблема заключалась в том, что я знал, как найти Карена, но встретить Анну было воз-можно лишь случайно.

Чтобы напомнить о себе, я как-то взял один из старых мо-их телефонов и пошел искать мастерскую Карена на Сарьяна. Это оказалось несложно, и Карен сразу узнал меня. С теле-фоном было все в порядке, надо было лишь заменить акку-

мулятор, и он посоветовал этого не делать, если я им не пользуюсь. Я поблагодарил и хотел заплатить, но он категорически отказался брать плату, что было мне на руку, поскольку позволило сказать, что я перед ним в долгу. Карен записал свой номер телефона в мой телефон. Проблема связи с Кареном была решена. Оставалась Анна. Но она исчезла.

Прошло три месяца, и приближалась пора Рождества и Нового года. Мне стало несколько обидно, что мой предполагаемый эксперимент провалился, еще не начавшись. Об Анне я не знал исключительно ничего, и при всем желании не мог ее найти. Конечно, ничего трагического в этом не было, но некоторая неудовлетворенность в душе оставалась.

Я всегда любил детей, особенно в возрасте от трех до семи лет. Лучшего отношения к детям, чем это происходит на Кавказе, представить трудно. Здесь дети – святое. Поэтому меня крайне возмущают сведения, передаваемые СМИ о различных случаях педофилии, которые происходят в мире. Это становится похожим на рекламу, как и рассказы об однополых браках. Понятно, что такие явления всегда существовали, и будут существовать, но зачем о них так много говорить? Все это привело к тому, что естественное желание погладить по головке понравившегося тебе ребенка может восприняться как нечто дурное. Слава Богу, до Еревана это не дошло. Вспоминается страшное землетрясение в Спитаке. Ни один ребенок не остался сиротой, даже если оба его

родителя погибли, так как их забрали родственники!

Так случилось, что мои дети и внуки живут далеко от меня. Поэтому мое естественное желание общаться с детьми компенсируют соседские дети. Наблюдая внимательно за ними, удивляешься их индивидуальности, начиная с самого маленького возраста. И невольно начинаешь отдавать некоторым предпочтение. Моей главной симпатией была четырехлетняя Неля. Особенно меня восхищала ее кокетливость девочки. В этом году я решил попросить ее родителей отпустить ребенка со мной на Новогоднюю елку. Родители дали согласие, и мы с Нелей пошли на детское представление в Опере.

Радость, которую испытывают дети на Новогодней елке, невозможно описать. Они живут в сказке, которую проносят через всю свою жизнь. Для четырехлетней девочки здесь был Рай, она от всего была в восторге. А я радовался ее реакции на все происходящее. Девочка забыла обо мне и жила в своей сказке со сказочными персонажами, главными из которых, были, естественно, Снегурочка и Дед Мороз. Я не сводил с нее глаз и тоже был счастлив. В один момент, подойдя ко мне откуда-то сзади, Снегурочка взяла за руку Нелю и, взявшись с другими детьми за руки, они стали описывать хоровод вокруг елки. Детей было много, а громкая музыка не позволяла спокойно общаться друг с другом. Здесь все было отдано детям, а взрослые стояли вокруг большой площадки перед елкой и жили жизнью своих детей.

И тут моя Неля пропала из поля зрения. Я стал ее искать вначале спокойно, но затем запаниковал: ее нигде не было. Мне всегда казалось, что я сильный человек, но тут в моем теле появилась слабость и все перед глазами поплыло. Очнулся я от голоса Нели, которая, дергая меня за руку, кричала: дедушка, дедушка! Я обнял ее и поцеловал.

– Дедушка! – с восторгом показывая мне огромную куклу, сказала Неля, – смотри, какую красивую куклу мне подарила Снегурочка!

Я сел на скамейку, куда меня уложили, когда потерял сознание, и поблагодарил Снегурочку, которая на какое-то время повела ребенка за подарком, что и оказалось причиной моего испуга. И только тут я узнал в Снегурочке Анну.

– Здравствуй, Старик! Извини, это моя вина, но я не подумала, что несколько минут могут совершить над тобою такую шутку. Как ты сейчас?

– Спасибо, Анна! Я сам не ожидал от себя такого. С другой стороны, я рад, что нашел сразу двух внучек.

– Что ж, мне приятно слышать, что такое произошло с тобой впервые: значит, прошлая потеря внучки для тебя была не столь важна.

– Ты хочешь сказать, что между вами несущественная разность в возрасте?

– Во всяком случае, не такая большая разность, как между мной и тобой.

– Мне не понятна эта логика. Ну и, Бог с ним! Скажу лишь

одно: она мне такая же внучка, как и ты. Это соседский ребенок.

– Прости еще раз, Старик! А разве у тебя нет собственных внуков?

– Есть! Но они далеко от меня.

– Каюсь! Что мне сделать, чтобы сгладить мою вину?

– Это элементарно: составь мне компанию пойти в ресторан.

– Ты меня приглашаешь провести с тобой вечер?

– Чтобы это не выглядело так, как ты трактуешь, я приведу с собой одного весьма симпатичного молодого человека, с которым я также случайно познакомился.

– Это твое право. Я не возражаю.

– Тебя устраивает завтра у памятника Саят-Новы?

– Согласна! Завтра в семь. Пока!

Анна поцеловала Нелю и ушла к детям. Поцелуй Снегурочки для ребенка был незабываем, и об этом она с восторгом рассказала родителям. О неприятном для меня эпизоде я, разумеется, промолчал.

Вечером я позвонил Карену и назначил встречу на завтра. Он легко согласился, и мой проект возродился неожиданно легко.

Приехав на 15 минут раньше срока, я припарковался напротив консерватории и, сидя за рулем своего «мерседеса» ждал прихода участников предполагаемого проекта. Как и положено, первым пришел Карен. Я тут же подошел

к нему, и мы перекинулись фразами в ожидании Анны. Девушка не заставила ждать себя долго. И мы втроем поехали в мой излюбленный ресторан «Киликия», который находился на бывшей улице Алавердяна. Хотя эту улицу давно переименовали, ереванцы с новым названием так и не свыклись. По большому счету, терпеть не могу ереванские рестораны, но этот мне стал симпатичен со дня празднования моего шестидесятилетия. У меня завелись приятельские отношения с менеджером ресторана, которого звали Сергей. Заходил я туда крайне редко, однако, зная мои привычки, Сергей усаживал меня за столик в укромном углу, откуда я мог спокойно изучать посетителей. Должен признать, что наблюдение за людьми очень увлекательное занятие. Причем, прохожие и ресторанные посетители отличаются друг от друга очень сильно. Разумеется, такое наблюдение должно вестись скрытно, чтобы не обидеть людей, за которыми наблюдаешь.

Сергей был предупрежден мною, поэтому столик на троих уже ждал своих посетителей. Обстановка в зале была праздничной. На всех столах было шампанское.

Что ж, первый акт задуманной мною живой пьесы «Возвращение на 35 лет назад», начался! Анна и молодой «я» сидели за одним столом. Свою миссию я выполнил, и теперь оставалось смотреть, как будут развиваться события, и насколько они будут близки тем, которые когда-то произошли между Анной и мной.

Когда, в очередной раз, к нашему столику подошел Сер-

гей, предлагая свои услуги как менеджер, я задал ему вопрос:

– Сергей, одной из причин, что я пользуюсь услугами вашего ресторана, является удивительно вкусный шашлык. В чем главный секрет этого?

Он рассмеялся и сказал:

– Все дело в мясе!

Ответ я воспринял как шутку и, улыбнувшись, сказал:

– Это понятно! И все же?

– Но это действительно так! Мясо всегда выбираю я. Как и в любом другом деле, важен исходный продукт. Разумеется, есть прекрасный специалист по приготовлению этого блюда, но уверяю, что главное – выбор мяса.

– Если это так критично, то на рынке может не оказаться нужного количества необходимого мяса, особенно в праздничные дни, когда много посетителей.

Сергей вновь рассмеялся:

– А вот это действительно секрет: мы его подаем лишь тем, кто знает в этом толк! Секрет заключается в том – как мы это определяем.

– Исходя из моего опыта, могу сказать, что ты действительно не ошибся: я в восторге от твоего шашлыка с первого раза!

– А как вам, молодые люди? – обратился Сергей к Анне и Карену.

– Спасибо авторам! Я действительно никогда не ел более вкусного шашлыка, – ответил Карен.

– Действительно вкусно! И все же Вы лукавите – секреты не выдаете! – с пафосом сказала Анна.

– Думаю, секретов несколько: профессионализм, опыт и вдохновение. Уверен, без вдохновения невозможно создать прекрасное, чего бы это ни касалось, даже пищи! – ответил Сергей.

– Это прекрасно, когда менеджер ресторана имеет логику философа! – поддержал разговор я. – Это еще одна из причин, что мне так нравится этот ресторан.

– Большое спасибо, это всегда приятно слышать! – сказал Сергей. – Извините, но я должен отойти от вас. Но еще вернусь.

Сергей ушел по своим делам, а я стал продумывать общую тему разговора за столом, чтобы молодым было интересно. Ничего путного в голову не приходило. Я решил, что молодые скорее найдут общую тему и стал искать повод, чтобы оставить их одних. Мне помог звонок сына из Минска, который поздравил меня с Новым годом. Я вышел из-за стола и, извинившись перед молодыми, продолжил разговор в фойе ресторана. Закончив разговор, я подошел к Сергею и, расплатившись за ужин, попрощался, попросив передать Анне и Карену мои извинения за внезапное исчезновение. Сергей все правильно понял, и я ушел.

Через несколько дней я улетел в Минск. Начало моего плана было удачно осуществлено, и если Карен действительно был моим двойником, то такая красивая девушка, как

Анна, не могла бы оставить его равнодушным. Возвратиться в Ереван я должен был в мае, и за четыре месяца, по моим расчетам, отношения между ними должны были находиться в самой захватывающей фазе. Мой интерес заключался в том, чтобы сопоставить развитие их взаимоотношений с теми, что произошли 35 лет тому назад между мной и Анной.

Вернувшись в мае месяце домой, я позвонил Сергею и поинтересовался, что ему известно об Анне и Карене. Он предложил мне приехать в ресторан и поговорить. Я с радостью поехал на встречу, поскольку соскучился по армянской кухне. Сергей встретил меня тепло и отвел к моему столику. На мой вопросительный взгляд Сергей ответил, что пальму перед столиком попросила поставить Анна, и далее он рассказал следующее.

Анна приходит сюда каждый воскресный вечер, заказывает шашлык и бокал «Арени». Как правило, в 11 часов уходит. После того, как к ней пару раз пытались подсесть молодые ребята, она попросила Сергея загородить этот интимный столик пальмой.

Мне эта идея Анны понравилась: напомнила шалаш.

От Сергея я также узнал, что в тот вечер, когда я оставил наедине Анну с Кареном, произошло следующее: услышав от Сергея, что я ушел, Анна, не говоря ни слова, взяла свою сумку и тут же ушла. Карен оказался в глупом положении и не знал, как поступить. Сергей его успокоил и сказал, что все оплачено. Посидев немного, Карен тоже ушел, и больше

его Сергей не видел.

Все это меня весьма смутило: мои планы оказались глупостью. Выводов из сложившейся ситуации можно было сделать несколько, но это не меняло факта: повторение невозможно! Анна и Карен являются двойниками лишь по внешним признакам. Но почему Анна приходит в ресторан каждую неделю и садится за мой столик? Задав себе такой вопрос, я пришел к очевидному ответу: ищет встречи со мной.

С удовольствием посидев в «шалаше» за трапезой около часа, я попрощался с Сергеем и пообещал прийти в воскресенье вечером. Мне хотелось встретиться с Анной и понять, в чем заключалась моя ошибка. Возможно, в мои планы необходимо было внести некоторые коррективы.

Поскольку Сергей сказал, что Анна приходит в семь часов, я пришел на полчаса раньше и заказал себе кофе. Я сел лицом к залу, а стул для Анны поставил так, чтобы она оказалась спиной к посетителям ресторана.

Зайдя в ресторан, Анна направилась прямо к моему столику. Из-за установленной ею пальмы, она увидела меня не сразу. Подойдя ближе, она, увидев меня сидящим за столом, на мгновение остановилась, а затем, ничего не говоря, села на предназначенный ей стул.

– Здравствуй, Анна! – расплывшись в улыбке, сказал я. – Ты что, не рада нашей встрече?

– Привет, Старик! – без энтузиазма, ответила она. – Можно и мне кофе?

– Разумеется! – ответил я и подозвал официанта.

В ожидании, пока принесут кофе, мы оба молчали. Это дало мне возможность внимательно изучить ее лицо. Для армянок красивые глаза не редкость. Но глаза Анны восхищали своим зеленым цветом. Если быть более точным, скорее, чистым изумрудным цветом. Я не специалист по цвету, но более точного описания, как «чистый», подобрать не могу. Думаю, знатоки драгоценных камней смогли бы описать этот цвет лучше, так как именно чистота цвета камня, по моим знаниям, является определяющей в оценке его качества.

Поскольку Анна молчала, я спокойно изучал ее лицо и невольно стал искать сходство с Анной из моего прошлого. И хотя общее сходство было налицо, моя Анна явно проигрывала в красоте девушке, сидящей передо мной.

Мне показалось, что Анна также изучает меня и вглядывается в мое лицо. Когда официант принес кофе, и она преподнесла его к своим губам, я заметил, что руки у нее дрожат. Немного отпив из чашки, она обратилась ко мне:

– Старик, ты мужчина?

Вопрос для меня был обескураживающим, был не понятен смысл вопроса, и я ответил:

– Со дня рождения и до сих пор, было так. Что, есть повод сомневаться в этом?

– Извини, Старик, но разреши мне это проверить.

Я пожал плечами, совершенно не понимая, о чем идет речь. Она смотрела на меня непонятным взглядом, и дрожь

ее тела стала явственной. Приняв мой жест за согласие, Анна взяла мою левую руку и, оттянув рукав моей сорочки до локтя, впилась зубами в мою руку. Боль я почувствовал не сразу, но, когда она стала нестерпимой, мне захотелось инстинктивно отпрянуть, но, вспомнив ее вопрос, решил перетерпеть. Когда она оторвалась от моей руки, я увидел, как из ранок, оставленных ее зубами, идет кровь. Анна достала из своей сумочки лейкопластырь и, тщательно облизав рану, прикрыла им ее.

– Не беспокойся, Старик, слюна имеет лечебные свойства. Особенно слюна девственниц!

Глядя на нее, я заметил, что ее дрожь прошла, и в лице появилась умиротворенность. И она улыбнулась.

– Старик, прости! Ты не обиделся на меня?

Я вновь пожал плечами и ответил:

– Разве может мужчина обидеться на красивую молодую девственницу?

– Насчет «девственницы» ты съязвил, не так ли? Это означает, что ты чуть-чуть обиделся.

– Нет, Анна, я действительно не могу на тебя обидеться. Мне просто не понятен твой поступок.

– Это обыкновенная месть! За измену.

– Послушай, девочка, о какой измене идет речь? Во-первых, мы едва знакомы. Во-вторых, у меня к тебе могут быть лишь отеческие чувства. Не скрою, мне льстит, что рядом со мной сидит такая красивая девушка, но в этом нет ничего

предосудительного. Признаюсь, у меня были некоторые планы, связанные с тобой, но они оказались несостоятельными.

– За эти планы и мщу! Что я тебе – вещь? Ты не имел права в тот день меня бросить! – возбужденно сказала Анна.

– Извини, но я тебя не оставил одну.

– В том-то и дело! Твой план в этом и заключался. Это было понятно с первой минуты знакомства с этим примитивом.

– И как ты определила, что Карен примитивен?

– А у меня нюх на них. Ненавижу эту среднюю массу людей, которые составляют большинство населения и навязывают всем свои правила поведения и мировоззрения на жизнь. Не эта ли суть демократии, к которой так все стремятся? Твой Карен типичный представитель этого общества. А ты, предлагая мне его, поступаешь по их логике. Если бы я почувствовала, что ты такой же «среднячок», мы бы с тобой сейчас не общались.

– Ты что, психолог? Разве можно делать такие скорые выводы о человеке? Человек – сложное создание! Да и с чего ты взяла, что я тебе предлагал Карена?

– Старик! Мы же договорились говорить между собой честно, абсолютно откровенно, не так ли?

– Да, это так. Признаюсь, я думал, что вам будет интересно друг с другом, но этого не произошло. Выбор был за вами, я же ничего криминального не сделал. За что ты меня винишь?

– Старик, ты не имел права меня бросить!

– Зачем такие громкие слова, Анна? Я просто тихо ушел.

– Старик, неужели я так сложно выражаюсь? Ты не имел права меня бросить!

– Раз это тебя так обидело, я извиняюсь! – и чтобы уйти от этой темы, спросил, – Ты для этого держишь в сумочке лейкопластырь?

– Опять ехидничаешь? – ответила Анна. – В твоём возрасте пора знать, что в женской сумочке можно найти самые невероятные вещи. И не уводи меня от разговора о твоём безобразном поступке.

– Но я ведь извинился!

– Старик, ты начинаешь меня раздражать своей непонятливостью. Да, ты извинился, но речь не об этом. Хотя, возможно, здесь есть и моя вина. Тогда поясню. Ты мне показался незаурядным человеком, во всяком случае, не из «среднячков». Более того, мне показалось, что нас что-то роднит. Здесь разность в возрасте не имеет значения: ведь души не имеют возраста! Меня потянуло к тебе, и я согласилась пойти с тобой в ресторан. А ты взял и все испортил, сбежав от меня.

Я слушал Анну, и для меня ее откровения оказались неожиданными. Что она этим хочет сказать? Заподозрить ее в том, что я ей интересен как мужчина, было несерьезно: уж слишком велика была разность в возрасте. Тогда я сделал предположение, что я ей необходим как человек, обладаю-

щий определенным объемом знаний, которые она не может получить от своих сверстников, и решил это как-то осторожно прояснить, боясь ее обидеть:

– Анна, я искренне извиняюсь за свое поведение, но и ты меня пойми: мне ничего о тебе неизвестно, а даром провидца я не обладаю. Допускаю, что наши души созданы друг для друга, но что должно из этого следовать?

– Ты имеешь в виду некое материальное воплощение?

– Во всяком случае, мне трудно представить себе общение душ.

– Старик, недавно мы договорились быть друг с другом абсолютно откровенными. Это в силе?

– Разумеется! Возможно, это нас роднит?

– Да какая разница? Я начинаю в тебе разочаровываться. Красивая девушка тебе признается в своей симпатии, а ты начинаешь какой-то анализ. Мужчина идет за женщиной, не спрашивая ее, куда и зачем. Так было всегда, хотя внешне все выглядело наоборот. Это прописная истина.

Теперь о том, в чем хочу объяснить, поскольку ты не провидец, выражаясь твоим словом. При всех моих внешних данных, я не только девственница, но и святая. Несмотря на мой возраст, ко мне не прикасался ни один мужчина, ни в какой форме. Мне они были отвратительны из-за своей тупости. Чтобы это понять, необходимо родиться женщиной. Для красивой девушки, это каждодневная пытка, когда приходится непрерывно находиться под прицелом похотливых

взглядов. Правда, многим девушкам это льстит, но меня раздражает. Кстати, я тоже затронула тему возраста. Как я поняла, тебя это угнетает, и ты считаешь, что каждому возрасту соответствует определенное правила поведения, хотя это может и вступить в противоречие с твоим желанием. Но откуда берутся эти правила? Из менталитета общества? Повторюсь: меня бесят эти обязанности, определенные преобладающей массой населения, и я вынуждена им подчиниться. Но когда дело касается моего личного мира, здесь я непреклонна, и живу по своим правилам. И вот впервые, в 23 года, я обратила внимание на мужчину. На тебя, Старик! И не спрашивай, за что именно. Не знаю и не хочу знать! И ты меня предал!

– Хорошо, Анна, я больше не буду! – сказал я, улыбаясь. – Заранее принимаю все твои условия. Отныне предлагаю так: во всем буду следовать за тобой, за твоими желаниями. Ты будешь моей королевой.

– Опять подтруниваешь надо мной? А зря, поскольку и без твоего желания, ты будешь мне подчиняться!

– Это как?

– А, вот так! – сказала она и, расстегнув блузку, обнажила грудь.

За свою долгую жизнь я видел много женщин, но грудь Анны меня восхитила. Видимо, это отразилось на моем лице, так как Анна тут же спросила:

– Ну что, Старик, станешь моим рабом?

– Это нечестный прием! – ответил я, чувствуя, что она добилась ожидаемого эффекта.

– Наоборот, абсолютно честно. Во-первых, я тебе обещала показать свою грудь. Видишь, какие большие родинки на каждой груди? Эти соски гармонично вписываются в их идеальную форму. Это не моя заслуга – такой меня создал Бог. Раз сегодня вечер откровений, расскажу немного о себе, без всяких условностей.

Я с детства была талантливо любопытна во всем. Но более всего меня увлекало мое тело. Я ежедневно подолгу стояла перед зеркалом и смотрела, как постепенно превращаюсь из девочки в девушку. Как-то мне в голову пришла идея: фотографироваться каждый день обнаженной в одной и той же позе и наблюдать за изменением тела. У меня набралось около 5 тысяч фотографий, которые я забросила в компьютер, с помощью которого создала нечто вроде фильма, где появляется непрерывное превращение девочки в девушку в течение короткого времени. Такие компьютерные программы существуют давно, поэтому это сделать было легко.

Такое занятие привело меня к увлечению скульптурой и живописью. Слава богу, с помощью интернета можно получить огромную информацию. Меня интересовали обнаженные женские тела, и каждую скульптуру или картину с изображением девушек я сравнивала с собой. Объем информации был огромен, ибо со времен античности до наших дней было создано много прекрасных творений. И пусть не пока-

жется тебе это бахвальством, но совершеннее моего тела я не обнаружила! При первой же возможности, ты убедишься в этом сам, хотя, видя меня сейчас обнаженной до пояса, особенно не будешь возражать и сейчас.

– Пожалуй, да! – ответил я, не отрывая взгляда от ее груди.

– Что ж, хоть в этом я не ошиблась в тебе: есть понимание совершенства! И не гляди на меня с усмешкой! В том, что я такая, моей заслуги нет, это очевидно. Изучая свое тело, я смотрела на него со стороны и не находила в нем изъяна. Придет время, и я тебе предоставлю возможность опровергнуть это утверждение, если захочешь. Ты изучишь каждый дюйм моего тела, каждую складочку. Здесь нет никакого намека на секс, даже не думай об этом! Это будет чисто эстетическим восприятием. И тогда ты поймешь, почему меня приводят в бешенство похотливые взгляды этих простолюдинов. Более подходящего слова для них я не нашла. Мне трудно себе представить, чтобы это прекрасное тело я отдала бы кому-либо на растерзание. Тело, которое я лелеяла многие годы. Возможно, у тебя появится мысль, что я приверженка экзистенциализма. Но это не совсем так. Во мне столько же чувственности, сколько и внешней красоты. Мне часто бывает крайне трудно вступать в противоречие со своими природными желаниями.

– В том, что ты весьма чувственна, видно со стороны: весь твой образ излучает ее. Но этого ты, Анна, не в состоянии

увидеть! – перебил я ее монолог.

– Старик, я все более начинаю уважать тебя. Не зря же меня потянуло к тебе! Я давно нуждалась в человеке, перед которым можно полностью раскрыться, и нашла тебя. Поэтому исповедуюсь перед тобой, рассказав о моей главной жизненной проблеме. Во мне непрерывно борются две сокрушительной силы женского начала: телесная красота и чувственность. Но, обожествив свое тело, я не могу его предать и дать волю чувственности.

– Анна, позволь тебе возразить. Ведь оба этих начала тебе даны свыше, имеешь ли ты право отдать одному из них предпочтение? Да и зачем, если их можно объединить? Они не противоречат друг другу. Более того, совместно они могут совершить чудо. Да и можно ли идти против Бога? Он наделил женщину красотой для единственной цели: рождения детей. Или у тебя другое мнение?

– Этому трудно возразить. Но есть одно обстоятельство, Старик, которое ты не учитываешь: мы люди, а не животные, которые подчинены лишь инстинкту. Это принципиальная разница! Я говорю о своей девственности не просто так. Насколько знаю, это понятие относится лишь к человеку. И, коль скоро, ты вспомнил о Боге, то возникает вопрос: зачем он это придумал? Если бы я занялась наукой, то изучила бы связь между мозгом и девственностью. Звучит вульгарно, но я уверена, что эта связь существует и отражается на поведенческой функции девственницы. В качестве при-

мера, приведу английскую королеву-девственницу Елизавету Тюдор, которая была на троне 45 лет и сделала много для величия Англии. Кстати, настолько же ты старше меня.

Из французской истории – Орлеанская Дева. Примеров много, начиная с греческих мифов. Разумеется, можно с этим не согласиться, но можно ли опровергнуть?

– Следуя твоей логике, легко! Российская императрица Екатерина Вторая сделала немало для укрепления государства, и была на троне тоже достаточно много лет. Но ее трудно было назвать девственницей.

– Это хороший пример, но он лишь подтверждает мою мысль. Екатерина, законно лишив свою «мышку» девственности, весьма скоро взошла на престол, убив своего мужа. И мышка превратилась в жадную крысу, заставляющую своих подданных работать с максимальной отдачей своих способностей, что, в конечном счете, привело к процветанию государства.

Если бы Елизавета вышла замуж, то, уверяю тебя, история Англии могла бы быть иной.

– Что-то я не нахожу логической связи между твоими доводами.

– Естественно. Это же женская логика!

– Не буду спорить с тобой, но у меня появилось предложение: создать в Армении партию весталок. По примеру партии зеленых. Это сейчас модно – создавать экзотические партии. Ты станешь Главной жрицей и, уверен, у тебя будут

много последователей.

– Старик, ты опять иронизируешь. Неужели я так сложно выражаю свои мысли?

– Ничего сложного: ты влюблена в свое тело и не хочешь с ним делиться ни с кем, даже вопреки желанию самого тела, жаждущего того, что ему ниспослано самим Богом. Это чем-то напоминает историю с Галатеей.

– Это хорошо, Старик, что ты сам пришел к Пигмалиону. Когда я рассказывала о сравнениях своего тела со скульптурами, и все они были в проигрыше, то вспоминала о Галатее. Я тогда хорошо стала понимать страдания скульптора Пигмалиона, как поняла их Афродита, которая оживила Галатею.

– Здесь не могу с тобой не согласиться, Анна. Живое тело непревзойденно по своей красоте! Скажу больше: ни один художник или скульптор, ни одна фотография не в состоянии соперничать с природой, созданной Богом. Вспомним хотя бы закат Солнца – это воспроизвести нельзя. Но, коль скоро ты вспомнила историю с Галатеей, надо сказать и о том, что она вышла замуж за царя Кипра Пигмалиона.

– Ты намекаешь на то, что я должна выйти замуж?

– Не знаю. Выбор за тобой. Если хочешь служить богине Весте, то ее жрицы давали обет сохранения девственности в течение 30 лет, но затем все равно выходили замуж. Надо признать, что эти годы делали их весьма богатыми невестами – их почитали, за что имели много привилегий. А у тебя

какая цель?

– Старик, ты что-то уводишь меня не туда. Мы говорили о моем теле, а не обо мне. Да, созданное Богом невозможно превзойти, но люди всегда старались приблизиться к его творениям. Изучая обнаженные тела, я открыла для себя много выдающихся скульпторов и художников. Особо я обратила внимание на французского салонного художника Вильяма Бугеро, скорее, на его две картины: «Рождение Афродиты» и «Вечернее настроение». Тело его Афродиты очень похоже на мою фигуру. Но моя грудь несравненно лучше!

– Я не знаком с Бугеро, но, что твоя грудь прекрасна – не может быть двух мнений.

– Спасибо, Старик! Но у меня складывается впечатление, что ты несколько смущаешься, глядя на мою грудь. Хотя понимаю: ты мужчина, а не эстет. Но, надеюсь, это со временем пройдет, когда у тебя появится возможность спокойно изучать мое голое тело: оставшись наедине, я всегда буду без одежды. Таково мое желание. Это будет наш мир, созданный для нас двоих. И он уже перед тобой, а все, что за моей спиной – это внешняя среда. С тобой мне хочется ощутить полную свободу от общества. В этом смысле мне симпатична философия экзистенциализма.

– Я в восторге от этого, Анна! Но один вопрос: ты что, хочешь убить во мне мужчину?

– Кто-то сказал: красота требует жертв! Пусть это будет твоя жертва как мужчины. Впрочем, ты можешь отказаться.

– А ты жестока, Анна!

– Старик, ты хочешь меня обидеть? Впервые слышу, что жестокость можно совершать, не совершая ничего. Ты хочешь сказать, что мужчина, видя произведения искусства, может возжелать?

– Возможно и это, не знаю. Но живое тело – это другая категория.

– Что-то мы ходим по кругу. Впрочем, вот и наш спасительный круг! – весело воскликнула Анна, увидев, что официант несет нам долгожданный шашлык.

– Да, еда часто спасает людей, и не только от голода!

На какое-то время мы замолчали, занявшись едой. Я исподтишка поглядывал за Анной, как она ест. В последние годы, с чьей-то легкой руки, в кинофильмах, особенно в сериалах, стало модным показывать чревоугодие героев фильмов. Возможно, это удобная форма для режиссеров, но она меня крайне раздражает. Неужели этот интимный процесс кому-то интересен? Не думаю, что продукты жизнедеятельности человека, что на входе, что на выходе, представляют какой-то интерес.

А повод вспомнить об этом дала мне моя очаровательная собеседница. Возможно, я стал ее идеализировать, но она настолько красиво кушала шашлык, что на какой-то момент мой взгляд остановился на ней чуть больше обычного. Эта девочка все замечала! Я отвел взгляд, но она, тут же, задала мне вопрос, будто прочла мои мысли:

– Старик, тебе нравится смотреть, как я ем?

– Признаюсь, да! – несколько смущенно, ответил я.

– Знаешь, мне тоже кажется, что это красиво. Пусть тебе не покажется самовлюбленностью, но все во мне вызывает в людях приятные эмоции. Повторюсь в последний раз: я на себя смотрю со стороны, как на совершенство, созданное кем-то, к чему я лично не имею никакого отношения. Я являюсь лишь хранительницей этого незаурядного тела, и, влюбленная в него, не знаю, каковы имею на него права, чтобы не оскорбить Создателя. В смысле оценки моего существа, у нас с тобой одинаковые права.

– Анна, твою мысль я понял давно, но это является лишь вымыслом, поскольку такое физически невозможно, хотя бы потому, что ты испытываешь боль, ты имеешь эмоции, чувственность. Но это здорово, что сумела для себя создать сказку, в которой так приятно жить!

А моей сказкой является вкус и запах этого коньяка. В мире создано много прекрасных алкогольных напитков, но мой напиток – армянский коньяк. Я не смогу объяснить, почему так произошло. Видимо, вкусовые предпочтения человека являются его индивидуальным свойством, как, скажем, отпечатки пальцев. Выдам про себя маленький секрет: я бы мог работать дегустатором запаха. Это редкая профессия, и таких людей крайне мало. Заметив в себе такие способности, я узнал, что есть люди, которые могут различать до 17 000 запахов. Выискивание информации об этом оказалось весьма

увлекательным занятием. Впрочем, тебе это знакомо: ты искала сведения о теле.

Так вот, в поисках интересующих меня сведений, я опять пришел к мифам. Тогда меня это удивило, но много позже я пришел к выводу, что обо всем люди давно додумались и описали, либо в мифах и сказаниях, либо в философских трактатах. А если чего и нет, так лишь оттого, что многие рукописи не дошли до нас. Вот тогда-то я и пришел к парадоксальной мысли: время для человеческого сообщества течет крайне медленно. Мысли, которые приходят мне сейчас в голову, давным-давно известны. От того, что нас окружает современная техника, суть человеческая изменилась со времен античности весьма мало. В качестве доказательства приведу самый примитивный пример: понятие комфорта для влюбленных остались неизменными. Дай бог, каждому занять комфорт Римского патриция!

Но я несколько отошел от темы. Читая о роли запаха в животном мире, я наткнулся на историю о Гипсипиле. Вкратце, расскажу о ней. Гипсипила была дочерью царя острова Лемноса Фоанта. Так случилось, что лемносские женщины несколько лет не совершали священнодействия Афродиты. Нанести большей обиды для красивой женщины (а Афродита была лучшей из всех!) было трудно: ей перестали поклоняться! И Афродита наказала их весьма изощренным способом: наградила козлиным запахом. Результата ждать пришлось недолго: мужья сбежали от них и женились на фраки-

янках. В ответ, жительницы острова уничтожили всех мужчин, и спасся лишь царь Фоант, благодаря своей дочери Гипсипилы, которая и стала царицей острова.

Но это не все. Когда аргонавты прибыли на Лемнос, то взяли в качестве временных жен островитянок. А Гипсипила родила от Ясона двух детей.

Прочтя это, я подумал тогда: что делает с мужчинами долгая разлука с женщинами! В страсти, они не замечали отвратительного запаха! Интересно, так происходит со всеми мужчинами?

Задав этот вопрос, я заметил, что Анна как-то странно смотрит на меня. Мне показалось, что ей неинтересен мой рассказ, и этим она высказывала свой протест. Я встретился с ее глазами, и тут она у меня спросила:

– Старик, помнишь, Сергей сказал, что главный секрет в приготовлении шашлыка заключается в мясе?

В ответ, я утвердительно кивнул.

– А я хочу тебе доказать, что может быть гораздо лучший способ приготовления мяса, от вкуса которого можно сойти с ума.

Анна, не отводя от моих глаз взгляда, стала медленно приближаться к моему лицу. Совершенно неожиданно для меня, она впилась своими губами в мой рот и стала протискивать в него своим языком пережеванную пищу. Трудно было правильно охарактеризовать происходящее, но это было похоже на поцелуй. Самым удивительным было для меня то, что

она долго не отрывалась от меня. И тут вновь я почувствовал дрожь ее тела. Наконец, отпустив меня, она села на стул и застегнула блузку. В ее глазах появилась некая задумчивость. Мы оба молчали. Затем, обернувшись назад, и, видя, что за ней никто не наблюдает, она быстро и изящно сняла свои небольшие трусики и, вытерев ими мои губы, отдала их мне. Затем, перекинув сумочку через плечо, ушла.

Существует мнение, что современные люди гораздо умнее своих далеких предков, тем более, совсем далеких. Откуда такая наивность? Скажем, человек этого века пользуясь телевизором или различными средствами связи, но, не имея даже самого примитивного понятия о его работе, считает себя почему-то сопричастным к их созданию. Уверен, что раб Юлия Цезаря также легко научился бы переключать кнопки, как теперешний юноша. Такое же высокомерие можно встретить повсюду: по отношению к религии, к истории, к святыням. Не думаю, что это свойство сегодняшнего человека. Такова суть человека во все времена.

Такого рода мысли мне приходят каждый раз по утрам, когда подхожу к огромному окну моей квартиры и смотрю на мою Святыню, которой является Арарат. Для многих армян Арарат является его личной собственностью, и это очень важное чувство, поскольку чувство собственности для человека, пожалуй, самое непревзойденное.

С тех пор, как ушла Анна, в мыслях, я все время возвра-

щался к нашему с ней разговору. Скорее, к ее видению мира и неожиданному, без прощания, уходу. Но более всего, разумеется, меня смутил ее спонтанный поступок, не входящий в рамки моего понимания. Как и прежде, она не предоставила мне возможности найти ее. Возможно, решил я, что ресторан будет местом нашей воскресной встречи.

Не знаю, что за чувство появилось во мне, но я с трудом дождался воскресения. В ресторане я просидел до самого его закрытия, но Анна не появилась. Было похоже на то, что ей доставляет удовольствие эта игра в прятки.

На следующий день с утра светило яркое солнце, и Арарат казался совсем близко и чем-то напомнил мне невесту в белоснежной фате. Позавтракав, я спустился вниз и направился на своем белом «мерседесе» по обычному маршруту к церкви Сурб Саргис. Эта церковь была полностью отреставрирована в советское время и не несла в себе признаков старины. Я не специалист в области реставрации, но мне это не нравится. Скрывать возраст преступно. Во всем. Тем более что касается древности. Ненавижу фальшь в любом ее проявлении.

Сурб Саргис находится над Разданским ущельем и с площадки, расположенной перед церковью, просматривается часть Еревана на фоне Арарата. Здесь я оставляю свой автомобиль, направив его носом к ущелью, и ухожу на свою очередную прогулку по Проспекту.

Если раньше и возникало у меня желание пообщаться

с кем-либо из приятелей, то после знакомства с Анной я старался всячески избегать таких встреч. Мне хотелось побыть одному. Честнее – мысленно с Анной. Правда, в мозгу не формировалось что-то конкретное, был какой-то сумбур. Мой ум привык анализировать полученные данные и выдавать конечный результат. Но здесь не было ничего определенного и, в принципе, не могло быть какого-либо законченного решения. Но дух Анны обволок меня, и вырваться из него я был не в состоянии.

Пройдя по подземному переходу, я возвратился с моей прогулки к Сурб Саргису. Поднимаясь по лестнице, ведущей к церкви, я заметил, что на капоте моей машины сидит Анна. Она была в короткой клетчатой юбке и в красной блузке с открытой спиной. Она была убийственно красива. Я подошел к машине с ее передней стороны. Анна вся сияла и, смеясь, поздоровалась:

– Привет, Старик! Ты сегодня где-то задержался, и я стала переживать.

Она сидела на капоте, облокотившись обеими руками за спиной на него, а ноги, сомкнутые вместе, устроились удобно справа от нее, согнувшись в коленях, тем самым, обнажив передо мной все округлости. Анна, не отрываясь, смотрела на меня, прекрасно понимая, что делает. За моей спиной было лишь ущелье и далекий Арарат. Я посмотрел ей в глаза и увидел в них хитринку. В ответ, она медленно стала поднимать в сторону левую ногу, и передо мной открылась

ее главное богатство, которое она возвела в ранг святости. Я смутился и вновь посмотрел ей в глаза, а она, кокетливо надув губки, обиженно спросила:

– Старик, ты почему отвел глаза? Неужели она тебе не нравится? Это же совершенство, над которым Бог трудился более всего и добился своего, заставляя людей совершать ради нее самые безрассудные поступки. Всмотрись, насколько она красива в своей сложной эстетике.

Я выполнил ее просьбу и протянул обе руки, приглашая сойти с автомобиля. Она сама соскочила с капота и, подойдя ко мне, обвила шею руками. Ее рот был слегка приоткрыт, и она дышала им мне в лицо. От нее несло свежестью и молодостью, запахом жизни. Она сводила меня с ума своей непредсказуемостью, непоследовательностью в поступках. Я не мог различить в ней ее непосредственность от ее сознательно исполненного действия. Был ли это конфликт моего возраста с молодостью, не знаю. Но фактом было то, что Анна все более подчиняла меня себе.

Я невольно обнял ее за талию и стал ждать ее приказаний. Когда ее учащенное дыхание прекратилось, она произнесла:

– Старик, я очень проголодалась, пошли в наш шалаш. А по пути я отвечу на твои вопросы, которых, подозреваю, у тебя накопилось немало.

Повиснув на моей руке, она повела меня в сторону Пропспекта.

– Старик! Я вот подумала, что действительно в приро-

де вещей всегда имеется две стороны: и хорошая, и плохая. Скажем, сейчас: смотрящие на нас прохожие уверены, что перед ними дед со своей внучкой или, в крайнем случае, отец и дочь. И это нам на руку!

– Извини, а кем мы приходимся друг другу?

– Что ж, будем считать, что это твой первый вопрос. Сегодня наш вечер посвятим пресс-конференции на двоих. Итак, кем мы приходимся друг другу? А никем! Зачем приписывать какие-то ярлыки нашим отношениям? Нам приятно быть вместе, и этого достаточно! Обозначим лишь некоторые постулаты, определенные мною. Постулат первый. Я девственница и останусь таковой до конца жизни. Постулат второй. Мое тело исключительной красоты и создано в качестве эталона женщины. Бог с определенной периодичностью создает это совершенство, напоминая людям, что есть истина. Мое тело можно лишь созерцать, но не пользоваться им. Постулат третий. Исходя из первых двух постулатов, я обладаю правом выбора мужчины, который обязан выполнять любые мои пожелания. Но это и так понятно, поскольку не может быть мужчины, который не повинуется желанию красивой женщины.

– Извини, Анна, но я знаю мужчин, которые безразличны к чарам женщин.

– Старик, это не мужчины! Теперь постулат четвертый. Выбранный мною мужчина является моим рабом и переходит в мою собственность, подчиняясь любым моим желани-

ям. Этот мужчина мною выбран. Им являешься ты, Старик. Это основные постулаты. Остальные будут по мере поступления. У тебя есть возражения?

– Если честно, то со стороны выглядит цинично. Но, судя по тому, что я принимаю эти постулаты и польщен твоим выбором, то, сказанное тобой, безусловно, верно. Признаю, что сам факт выбора меня в качестве твоего раба является фантастичным, и я его принимаю. Но, в контексте твоих постулатов, мне не понятно, зачем тебе нужен мужчина? Хотя теперь могу предположить, почему твой выбор пал на старика.

– Как видно, ты не вник в суть моих постулатов. Во-первых, выбор был сделан мною, и твоего желания я не спрашивала! Во-вторых, мне нужен именно настоящий мужчина, которым ты, несомненно, являешься. Если помнишь, наше знакомство я начала с этого. Хоть и звучат мои слова нагло, но это правда, и ты об этом знаешь, и без меня ты больше не сможешь жить!

– Не буду спорить. Но если я выбран тобою, почему ты каждый раз исчезаешь и не даешь возможности тебя найти? Подарила бы для начала номер своего телефона. Мне не известно о тебе ничего: ни происхождение, ни место жительства, ни образование, ни сфера интересов, и тому подобное. Это похоже на анкетные данные, но это естественное желание, как мне кажется.

– Что значит, я исчезаю? Старик, ты, видимо, сказанное

мною, принял за некую игру. Но это истина – ты мой раб. А зачем рабу искать меня? Когда ты мне понадобишься, я сама приду к тебе. Что касается телефона. У меня его просто нет, он мне совершенно не нужен. Я живу одна и не желаю быть для кого-то необходимой. Если мне кто-то нужен, я сама звоню, а для этого собственный телефон не стоит носить с собой.

– Но так не бывает, Анна! Ты живешь в человеческой среде и не можешь не контактировать с нею.

– Это враждебная для меня среда! Среда, которая все время пытается меня поглотить. Среда, в основе своей, потребительская, жадная и примитивная. Увидев нечто, у нее срабатывает единственный инстинкт: как это можно использовать для своего потребления. Приведу один пример из детства.

Мы, пройдя улицу Амиряна, подошли к Площади. Здесь Анна предложила посидеть у фонтана. Естественно, я с удовольствием согласился, так как присутствие воды, тем более в городе, всегда приятно. Усевшись на парапете, Анна продолжила:

– В детстве, каждую весну и осень мы с мамой ездили на две недели в деревню. Там наш дом стоял на улице, где росли огромные платаны. Так случилось, что именно на деревьях перед нашим домом в год два раза останавливалась на ночлег огромная стая красивых перелетных птиц. Я не знаю, что это были за птицы, но по размерам они бы-

ли чуть меньше голубя. Собственно, прилет птиц и был основной причиной того, что мама привозила меня в деревню именно в это время.

А раньше этих птиц прилетали пестрые удоды, гнездо которых находилось под крышей нашего дома. Крики удодов я принимала за клик кукушек, но однажды увидела, что их издают удоды, кивая потешно головой. Эти события были для меня праздником, который дарила мне внимательная мама. Так продолжалось несколько лет. Однако неожиданно праздник умер. Это была первая увиденная смерть в моей жизни.

Была очередная осень. Как и прежде, к вечеру прилетела с большим шумом долгожданная стая и устроилась на наших деревьях переночевать. Это были упитанные птицы, накопившие жир перед зимовкой. И тут произошла трагедия. Пришедший из соседней деревни мужчина, сказал местным мальчишкам, что это очень вкусные птицы. Тут же выяснилось, что у одного из жителей имеется пневматическое ружье с оптическим прицелом. Принесли фонарики и начали расстреливать беспомощных птиц. Если бы это происходило днем, то при первом же выстреле стая взметнула бы вверх. Этот расстрел привел в раж всех мальчишек, которые визжали при каждом падении на землю убитой птицы. Мама попыталась как-то воспрепятствовать бойне, но все было бесполезно. Перебив огромное количество птиц, они разожгли костер и, ощипав птиц, стали их жарить. Птиц было так много, что им стало лень всех ощипывать, и они оставили их ва-

ляться на земле. Ты бы видел, что произошло со мной: у меня была настоящая истерика! Мама даже испугалась за меня. Чтобы меня успокоить, мне принесли жареных птиц. И тут я вдруг перестала плакать и замкнулась в себе.

Это был первый и самый жестокий удар в моей жизни. С тех пор я возненавидела «большинство». И чем больше я жила, тем увереннее росло во мне мнение, что та девочка, которой я была, не ошиблась в своей оценке. А дальше произошло следующее. Весной прилетели удоны в свое гнездо и занялись его благоустройством. Меня это обрадовало, и мы с мамой стали ждать наших птиц. Мы знали, что небольшая часть их уцелела. Но ждали мы напрасно. Мама, видя мое состояние, попыталась увезти меня домой раньше, но я отказывалась, умоляя остаться еще и еще.

И в один из дней мы услышали курлыкание журавлей. Здесь, видимо, пролегла трасса перелетных птиц, и мы всегда наблюдали за их клином. Ты не поверишь, Старик, но было именно так! Огромная стая журавлей низко кружилась над нашей деревней, издавая невероятный шум. Это продолжалось около часа. Затем они улетели на север. Это было прощание. Прошло много лет с тех пор, и я до сих пор в год два раза бываю в деревне, но птицы так и не вернулись. Опустело и гнездо наших удонов. Я так благодарна птицам, которые более не возвратились!

Анна замолчала и неожиданно села мне на колени и уткнулась в мою грудь. Она плакала. Это был ребенок, нуж-

дающийся в защите. Успокоившись, она взяла меня за руку и повела по улице Налбандяна к площади Андрея Сахарова.

– Что ж, продолжим нашу пресс-конференцию. Начну с ответа на вопрос, который ты мне еще не задал: как я оказалась на капоте твоего «мерседеса»? Как говорил известный персонаж: элементарно, Ватсон! Я просто тебя выследила. В Ереване за последнее время появилось множество памятников. Люди знакомы с ними, но кому они принадлежат, в большинстве случаев, они не знают. К одним из таких памятников на Проспекте относишься ты. Разумеется, к живым памятникам Еревана. Ты видный мужчина, и за годы твоего хождения по улицам города, люди свыклись с тобой, ты стал его неотъемлемой частью. Кто ты, как тебя зовут, чем занимаешься, это никого не волнует. Ты член общества зданий, улиц, фонтанов, скверов, наземных и подземных переходов, памятников и рекламных щитов, словом всего, что называется Ереван. Я уверена, что если тебя кто-то из ереванцев встретит на улицах Парижа или Токио, то обязательно подойдет и поздоровается как со старым знакомым. И ему искренне будет казаться, что вы старые приятели, но запамятовали имена друг друга. Лично я знала тебя давно, и после нашего случайного знакомства, решила проследить за тобой, что оказалось весьма просто и мне не понадобились для этого знания филера. Ты был слишком прост в выборе маршрута и не замечал окружающих тебя людей: все они представляли собой некий фон бытия. Как знать, ес-

ли б мы тогда не столкнулись, шли бы сейчас в «Киликию»?

Но возникает другой вопрос: зачем мне это было нужно? Здесь все гораздо сложнее. Наиболее точный ответ: не знаю! Ты чем-то заморозил меня. У меня есть на это версия, но пока о ней промолчу. И я поняла, что ты тот единственный мужчина, который мне необходим. Сделав выбор, я произвела тебя в своего раба.

Что касается моего образования. Кроме средней школы, я нигде не училась. Мне кажется, высшая школа в существующем виде изжила себя. Возможности современной техники и, в частности, интернета, позволяют получить любые знания, которые тебе интересны, необходимы, волнуют тебя, и ты чувствуешь в них потребность. Понятно, на каком-то этапе самообучения понадобится живой учитель, которого невозможно заменить в принципе! И тогда ты нанимаешь его. Такой подход к обучению проще осуществить в области гуманитарных знаний. С них и необходимо начинать реформу существующего образования.

А пришла я к этому из следующих соображений. Любой человек, появившийся на свет, имеет свои таланты. Роль родителей – обнаружить их и направить ребенка по нужному руслу. И все. Здесь не должно быть никакой самодеятельности и желаний сделать ребенка кем-то. И когда происходит гармония между выбранной профессией и талантом, имеющимся от рождения, человек живет полной жизнью. А современная жизнь во многом способствует этому.

– Но для этого необходимы определенные возможности! – возразил я. – Что делать тем, у которых нет доступа, скажем, к интернету?

– Во-первых, не для всех ремесел необходим интернет. Во-вторых, это всего лишь предложение к новым формам обучения. Христос не стал плотником, как отец, он был рожден для другого деяния. К уяснению мысли, приведу мой пример. Поскольку главным моим талантом оказалась женская красота, я обязана была использовать ее, чтобы чувствовать себя комфортно в жизни. И я ею пользуюсь непрерывно. Передо мной не бывает преград.

– Даже со стороны женщин?

– Разумеется! Моя внешность для них недостижима, поэтому и нет элемента состязательности, ревности. А с мужчинами вообще нет проблем – любой из них примет за счастье стать моим рабом. Даже ты!

– Я понимаю, что ты говоришь, но «раб» звучит слишком архаично.

– Архаично? – искренне удивилась Анна. – Это ты говоришь в стране, построенной на рабстве? Диалектика марксизма была права в одном: жизнь развивается по спирали. Вот и пришла Россия в 1917 году, а вместе с ней и Армения, к рабовладельческому строю. У тебя есть по этому поводу сомнения? Вспомни, что произошло после распада Союза. Почувствовав безнаказанность, рабы бросились грабить и убивать. Они были жестоки, бескомпромиссны, и пришли

к власти. Где оказались люди, которые не могли позволить себе это варварство? Отвечу: те, кто выжил, – в нищете! А кому удалось, те эмигрировали в развитые страны.

Каким будет демократическое государство, если основная масса населения рабы? Ведь демократия подразумевает власть большинства, не так ли? Властью с психологией раба? Я за многое уважаю американцев, но не могу понять их логику, когда они ратуют за установление демократии во всех государствах.

– Они имеют в виду демократию, которая у них.

– Тогда пусть вспомнят, что им для этого понадобилось два века!

– Но если ты так ненавидишь рабство, почему делаешь из меня раба?

Анна вдруг рассмеялась и, повиснув на моей шее, поцеловала меня в губы. Оторвавшись от меня, она ответила:

– Это вид рабства, от которого невозможно отказаться!

Я был ошеломлен, и возразить мне было нечего. Некоторое время мы молчали. Дойдя до улицы Туманяна, мы свернули направо. Первым заговорил я:

– Анна, я часто не понимаю тебя. Скажем, сейчас. До сих пор ты утверждала, что являешься неприкасаемой, и вдруг этот поцелуй...

– А в чем ты, собственно, видишь противоречие? Разве я позволила доступ к своему телу? Об этом даже не помышляй! Можешь быть уверен, что я выполню обещание и умру

девственницей. А рот – это не тело. Он служит средством общения тела с внешней средой для поддержания жизни. Здесь не может быть запретов!

Наконец мы подошли к «Киликии». Сергей, как всегда, был любезен и даже обрадован, когда нас увидел вместе. Мне нравился его профессионализм в выражении своих чувств. Но с нами он был совершенно искренен ввиду сложившихся добрых отношений. «Шалаш» был предназначен лишь для нас, поэтому проблем со свободными столиками у нас не бывало. Официант знал мои пристрастия, поэтому даже не спрашивал, что принести.

Мы сели на наши привычные места и уставились друг в друга. Анна была какой-то необычной и положила руку на мое запястье. Мне не верилось, что она рядом. Ведь еще вчера я здесь сидел один в безнадежном ожидании. Я предложил ей шампанское, и она согласилась. Подошедший официант спросил, что она предпочитает, и она, как ни странно, заказала «брют». Как правило, девушки предпочитают сладкое шампанское, но с Анной все бывает как-то по-своему. Наполнив наши фужеры, официант ушел. Взяв фужер в руку, Анна предложила:

– Старик, давай выпьем за нас! Сегодня особенный день – я окончательно определилась с тобой. Можешь не верить, но ты первый у меня мужчина, и других у меня не будет. Я отдам тебе всю себя, кроме тела и девственности, о чем неоднократно говорила. Люби меня!

Она протянула руку, и мы чокнулись фужерами, после чего я поцеловал ее в губы. И тут она спросила:

– Тебе понравился мой запах?

– Как я тебе уже говорил, запах для меня играет существенную роль. Когда мы случайно столкнулись на улице, то первое, что очаровало, это запах исходящий от тебя. Тогда я еще подумал: какие восхитительные духи! Но после дальнейших наших встреч, я понял, что это твой личный запах, запах твоего тела. Признаюсь, что этот запах сводит меня с ума.

– Мне это приятно слышать, но я спрашивала не об этом! – заметив мое смущение, она продолжила, – я имела в виду трусики.

– Анна, ты задалась целью свести меня с ума?

– Старик, с сегодняшнего дня барьер условностей пройден, и мы за это выпили. Нас тянет друг к другу, и это наше совместное решение. Хотя, если честно, решение мое, по праву красивой женщины! И чтобы я никогда не слышала о разнице в нашем возрасте!

Теперь о запахе. Когда ты рассказал о своих способностях в этой области, мне пришла мысль. Бог все создал с умыслом, и, если существует столько оттенков запаха, значит, они несут в себе некую информацию. В конце концов, для мира животных это давно известный факт. Но мы тоже животные, лишь с большим интеллектом. Используя твои незаурядные способности, я хочу, чтобы ты познал все оттенки моего за-

пах, которые исходят от меня, в зависимости от моего настроения. Я где-то даже читала, что такая зависимость существует. Скажем, запах страха, и им пользуются животные.

Понятно, я не предложила бы такое, будучи не уверенная, что тебе понравится. В тот день, когда ты съел шашлык из моего рта, произошел наш невольный первый поцелуй. Мое первое интимное общение с женщиной! Не знаю, что привело меня к такому поступку, но я впервые проиграла своим эмоциям и ощутила их мощь. Появилось чувство прострации и вечности. Когда я оторвалась от твоих губ, то почувствовала, что трусики стали влажными. Это был результат твоего воздействия, поэтому я их передала тебе. Я хочу, чтобы ты запомнил запах девственницы от первого поцелуя. Ведь ты преподносил их к своему носу и губам!

– И не раз!

– Я тебя предчувствовала и не ошиблась. Я была рождена для тебя, но ты был нетерпелив и не дождался моего рождения, начав жизнь с другими. Но я тебя не виню, поскольку ты мужчина. Контролировать свои эмоции способна лишь женщина.

Когда принесли шашлык, Анна стала меня кормить изо рта, и для нее это превратилось в детскую забаву. Она всячески дразнила меня, то давая, то отнимая пищу. Мы пили из одного бокала, и она всячески потешалась надо мной. Она больно кусала то мои губы, то язык. Хотя мы и сидели за кактусом в нашем «шалаше», все же я был в некотором напря-

жении, но для Анны не существовало другого мира, он был за ее спиной, и ей не хотелось с ним знаться. Она смеялась и баловалась как ребенок. Она была уверена, что находится под моей защитой. Мне вспомнилась «Лолита» Набокова.

Когда мы вдоволь наелись, Анна вытащила из сумочки зеркальце и дала мне. Я посмотрел на себя и увидел причину ее нового смеха – мое лицо и рот были измазаны едой. Успокоившись, она достала трусики из сумочки и стала ими вытирать мою физиономию. Закончив процедуру, она передала их мне и спросила:

– Надеюсь, ты не забыл, что я сижу без них? Я читала, что мужчин этот факт возбуждает.

– Не знаю, что ты под этим поняла, но определенная интрига в этом есть.

Она посмотрела на меня каким-то выжидающим взглядом, и с лица исчезла улыбка. Затем левой рукой вцепилась в мой локоть, а правую руку опустила к себе вниз. Прижавшись к моему уху, она прошептала:

– Я ужасно мокрая. Мне больше нельзя без тебя...

И, как в прошлый раз, я почувствовал ее дрожь. Она вытащила руку из-под юбки и мокрыми пальцами провела по моим губам и затем впиалась губами в мой рот. Не знаю, долго ли это продолжалось, но неожиданно она резко отпрянула и выбежала из ресторана.

Это уже было похоже на бред: Анна вновь исчезла. Ее по-

ведение не вписывалось в мои логические схемы. Практически, она так и не сказала, чем занимается и как ее найти. Мне не понятна была истинная причина ее скрытности. Такое ее поведение противоречило всему тому, что произошло при последней встрече. Но одного она добилась: я превратился во влюбленного мальчишку. Хотя, если честно, не совсем так. В моем возрасте стать мальчишкой невозможно, в силу множества причин. Но описать чувство по отношению к девушке, в моей ситуации я не берусь. А стоит ли всему давать определения?

Теперь для меня появилась игра: угадать, когда она появится и где. А появилась она через десять дней у Сурб Саргиса. Когда я подъехал на привычную стоянку, она стояла на площадке перед церковью, одетая в джинсы, и с огромным рюкзаком. С тех пор, как женщины облачились в брюки и, как видно, навечно, я стал ненавидеть их в этом одеянии. Богу – богово, а женщине – юбку. Ведь это так красиво! Но Анна могла опровергнуть все. Ее фигура позволяла сделать из любой одежды шедевр, тем более, из джинсов. Ее сексуальность обескураживала.

Я вышел из машины и подошел к ней. Она бросилась мне на шею и поцеловала в губы. Повиснув на мне, она прошептала:

– Я так соскучилась!

Ее запах пьянил. Она источала девичью свежесть и молодость, дыша мне в лицо.

– Ты это делаешь специально? Исчезаешь, затем неожиданно возвращаешься – спросил я, обняв ее за талию и прижав к себе.

– Не обижайся, Старик. Так будет всегда, и я не в силах что-то изменить.

– Ты говоришь какими-то загадками, Анна. Если у нас честные отношения, то так нельзя. В конце концов, это неэтично по отношению ко мне.

Она посмотрела мне в лицо яркими изумрудными глазами, находящимися в нескольких сантиметрах от моего лица, и вновь поцеловала в губы. Затем, вырвавшись из объятий, она взяла рюкзак и пошла к машине. Почувствовав, что я не иду за ней, она обернулась и сказала:

– Старик, мы едем на Севан. Я подготовилась к поездке, и в этом мешке все необходимое. Ты что, против поездки?

– А что, у меня кто-то спрашивает?

– Пожалуй, ты прав, Старик. Но такова участь всех рабов! – и она рассмеялась. Бросив рюкзак на землю, она подошла ко мне и, чмокнув в щеку, повела меня за руку к машине. Положив вещи в багажник, мы тронулись в путь.

Я свернул на мост Победы и, проехав мимо стадиона «Раздан», вышел через Киевский мост на проспект Комитаса. Проехав Радиомачту, мы оказались на Севанской трассе. Погода была солнечной, что всегда приятно при поездке на озеро.

Когда мы подъехали к горе с разломом из обсидиана, Ан-

на попросила остановиться. Мы вместе спустились с дороги к разбросанным камням и стали искать красивые образцы. В Анне было столько восторга от этого занятия, что мне оставалось лишь любоваться ею. Найдя понравившейся ей камень, она подбегала ко мне и требовала подтверждения о его красоте. Выбрав несколько камушков, она передала их мне, и мы вернулись к машине. Бросив на заднее сидение, она их стала перебирать, и я увидел перед собой очаровательного ребенка. Поскольку с моей стороны не было особого восторга, она обиженно сказала:

– Ни черта ты не смыслишь в красоте! Обрати внимание – они абсолютно черные. В этом их главная красота. Там были разного цвета, многие куски с прожилками, но черные – лучшие. Так во всем. Все прекрасное эгоистично, отрицает конкуренцию. Если бы к моим изумрудным глазам примешался бы еще какой-либо цвет, они бы ничего не стоили. Я пью кофе без сахара, потому что люблю вкус именно кофе. Это же относится и к чаю. Не понимаю смысла различных добавок. Короче, я признаю лишь все натуральное. Ты обратил внимание, что я не пользуюсь косметикой?

– Анна, ты меня обижаешь. Я изучил тебя всю!

– Еще не всю, Старик, но изучишь! А косметика была придумана для уродливых дам, чтобы скрыть их недостатки. А чаще – чтоб обмануть мужчину. Кстати, по этой же причине были придуманы столовые ножи и вилки – для компенсации утерянных зубов. Кстати, если ты такой внимательный,

то мог бы заметить, что в ресторане я ими не пользовалась. Тебе ведь понравился пережеванный мною шашлык? Когда кушаешь по первобытному образцу, удовольствие от еды неопишимо.

– У меня часто остается впечатление, что ты задалась целью все отрицать. Даже если это так, не запрещать же косметику или принятый этикет за столом. Да и еще многое другое. Что касается твоего шашлыка – он действительно фантастичен.

– Старик, ты опять забыл о главном: я говорю о моем мире, о мире, в который я допустила тебя. Миру вне нас я всегда отдаю должное почтение. Я специально изучала правила этикета, и, при случае, ты удивишься, сколь виртуозно я владею ножом и вилок, когда ем рыбу. Но если мы вместе одни, будет мой мир.

Я сел за руль и собирался поехать дальше, но Анна попросила подождать. Она вышла из машины и, обойдя ее спереди, открыла мою дверь и, устроившись между моих ног, взялась за руль.

– Ну и что дальше? – спросил я.

– Я хочу, чтобы ты научил меня водить машину.

– Но это делается не так. Обещаю, что мы займемся этим, но позже.

– Нет, сейчас! – капризно приказала она.

– Анна, ты ведешь себе как дитя. Мы не имеем права такое делать, тем более на скоростной трассе.

– Ну, пожалуйста, я буду лишь держать руль, и все будет под твоим контролем!

Анна прекрасно знала, что я не смогу противостоять ее желанию. Она уперлась спиной в мою грудь и вытянула руки на руле. Запах, исходящий от нее, усиливал мою слабость перед ней. Я уступил, и мы поехали. Передо мной сидел восторженный ребенок, не скрывающий своего удовольствия. Чтобы избежать недоразумений, я решил свернуть на параллельную старую дорогу, которая начиналась через несколько километров, но не успел. Нас обогнала полицейская машина и приказала остановиться.

Пока полицейский подходил к нам, Анна вышла из машины и захлопнула дверь. Полицейский представился и вежливо попросил у меня документы. Ни слова не говоря, я выполнил его указание. Ознакомившись с документами, он сказал, что должен составить акт о нарушении мною правил дорожного движения. Возражать было нечему, и я лишь пожал плечами. Но неожиданно заговорила Анна:

– Господин офицер, а в чем Вы обвиняете моего дедушку?

– Странно, что Вы задаете такой вопрос, – ответил молодой лейтенант.

– А я ничего странного в этом не вижу. Не отрицаю, что держала руль, но в чем провинился дедушка? Я сейчас хожу на курсы вождения, и в Правилах не встречала пункта, где запрещено такое поведение.

– Простите, девушка, но я выполняю свой долг и обязан

общаться лишь с водителем.

– Но дедушка не виноват! Он меня очень любит и уступает мне во всем. Это моя вина, накажите меня.

Полицейский улыбнулся и попросил меня выйти из машины. Но Анна не собиралась уступить:

– Молодой человек! Я к Вам обращаюсь так, поскольку, судя по вашим словам – вы являетесь полицейским лишь по отношению к водителю. Почему Вы не хотите рассматривать меня как свидетеля?

– Гражданка, Вы мешаете мне работать! – сказал лейтенант и предложил мне пройти тест на наличие алкоголя. Я не возражал, а Анну попросил успокоиться. Но ее было не остановить:

– Офицер, неужели полицейских обучают так бестактно обращаться с девушками? Я журналистка и обязательно напишу об этом.

– Пожалуйста, пишите! Только напишите честно, как вы сидели за рулем на коленях своего деда, мешая ему управлять автомобилем, а затем препятствовали официальному лицу исполнить свои обязанности.

– Не понимаю, вы человек или робот? Вы даже не поинтересовались, что произошло. Мало ли по какой причине я взялась за руль. Как можно подходить ко всему формально?

– Мне кажется, что вы хотите заморочить мне голову, пользуясь своей внешностью.

– Слава Богу, хоть это заметили! А я уж было потеряла

надежду. Своим женским умом я полагаю, что в первую очередь надо быть мужчиной, а потом все остальное. Вам жена об этом не говорила?

– Еще не успела, мы только поженились.

Анна своего добила, вызвав лейтенанта на разговор. Безусловно, сработала ее красота. Я смотрел с любопытством, как она искусно владела собой, выставляя напоказ свою женственность и превращая полицейского в молодого человека. Ее показная наивность обескураживала. Думаю, схожее поведение вырабатывается у всех красивых девушек с детства, для которых кокетство является их естественным образом существования.

– Поздравляю! И вы поженились по любви? – допытывалась Анна.

– А разве бывает по-другому? – спросил в ответ полицейский.

– Странно, что Вы задаете такой вопрос. На Кавказе это частое явление, когда молодых людей венчают по договоренности родителей, или подбирают пары через родственников и знакомых.

– Не спорю, но это не в моем случае! Однако я обязан составить акт на Вашего дедушку.

– А если я попрошу этого не делать? Вина-то моя. В случае составления акта, меня будут мучить угрызения совести. Пожалейте девушку!

– Вы хотите, чтобы я нарушил закон?

– Да, хочу! По праву обращения красивой девушки к молодому мужчине. Бог это зачтет.

В разговор вмешался я:

– Анна, не мешай человеку работать! Нет ничего страшного в том, что будет составлен акт.

– Нет, дедушка! Виновата я, и молодой человек это понял. Не так ли, господин полицейский? – обратилась она к лейтенанту, который, судя по всему, уже сдался.

– Да, меня предупреждали, что работа полицейского сложна, но не настолько же! – засмеялся он. – Хорошо, на этот раз прощу, хотя бы из-за того, чтобы вы знали, что полицейские хорошие мужчины.

– Спасибо! – весело сказала Анна. – Я сразу поняла, что Вы настоящий джентльмен. А можно мне примерить фуражку? Говорят, мне подходят фирменные головные уборы.

Полицейский снял фуражку и передал ее Анне. Она одела ее, что не могло оставить равнодушными мужчин, поскольку головной убор ей очень подошел. Анна открыла дверь машины и села за руль, изучая себя в зеркале заднего вида. Подправив волосы, она вышла из машины и, облокотившись на нее, попросила ее сфотографировать, что я с удовольствием сделал. Затем, сняв фуражку, она подошла к полицейскому и одела ее ему на голову. Тот был явно доволен. Попрощавшись, мы сели в машину и тронулись в путь. Когда мы объезжали полицейскую машину, Анна попросила меня остановиться, и она сказала полицейскому, который уже си-

дел за рулем:

– В фуражке я передала подарок молодоженам. Будьте счастливы!

Мы поехали дальше, и я спросил Анну:

– Что за подарок ты ему дала?

– Положила в фуражку сто долларов.

– Сто долларов? – удивился я. – Составь он акт, обошлось бы гораздо дешевле.

– Старик, ни черта ты не понял! Человек, в силу своей профессии, сталкивающийся постоянно со злом, должен знать, что добро умеет быть благодарным. Но есть еще одна причина: я всегда проверяю воздействие моих чар.

– Пожалуй, второе более соответствует действительности. Что касается общехристианских ценностей, они звучат несовершенно и неестественно.

– Старик, ты хочешь меня обидеть? Понимаю, что есть мнение: чем красивее женщина, тем глупее. Но это придумали не очень умные мужчины. Я заметила, что у Бога есть привычка – одному давать все, другому ничего. Разумеется, говорю весьма утрированно, но часто бывает так. Если красивая женщина выглядит душой, то лишь потому, что подыгрывает мужчине. А некрасивой женщине приходится работать на показной интеллект. Сейчас я тебя немного удивлю. Кроме внешних данных, Бог наградил меня способностью к восприятию языков. То, что я знаю армянский, русский и английский, это понятно. Для начала я выучила язык соседей:

грузинский, турецкий, фарси. Затем, так случилось, выучила арабский. Позже – французский, итальянский и испанский. Сейчас изучаю немецкий язык. Отсюда ты можешь сделать вывод, что у меня мало времени остается на тебя, и меня за это винить нечего. И еще один вывод: зачем мне нужно общепринятое высшее образование, когда приходится сдавать зачеты, экзамены, да еще находиться в определенной зависимости от преподавателей? Я изучаю языки с огромным удовольствием, а для развития разговорной речи остаюсь на несколько месяцев в соответствующей стране.

– Но для этого необходимо иметь возможности! – сказал я. – И ты меня сейчас не просто удивила, но и восхитила.

– Спасибо за восхищение. Это так приятно! Я уже избалована настолько, что без восхищения не могу жить! – ответила она и стала громко смеяться. Затем она попросила меня остановиться. Я выполнил ее просьбу и съехал на обочину. Она очень крепко поцеловала меня в губы и, довольная, приказала ехать дальше.

– Что касается возможности. Здесь ты прав. Но жизнь так устроена, что за все надо платить. Без возможностей не смог бы состояться ни один великий художник. Думаю, Бог создает гораздо больше гениев, чем те, о которых мы знаем. Основная их масса исчезает в силу отсутствия этих самых возможностей.

– Анна, ты все время ссылаешься на Бога. Ты так веришь в него?

– Нет такого человека, который не верил бы в Бога! Если атеисты и утверждают, что не верят в существование Бога, в это трудно поверить. Возможно, они и не верят в хрестоматийного Бога, но для себя имеют собственного. Мне бы не хотелось сейчас это обсуждать, но если тебя раздражает мое обращение к Всевышнему, могу не вспоминать о нем.

– Не думал, что ты такая обидчивая! Просто постоянная ссылка на Бога удобна, но всегда ли это корректно?

– Об этом поговорим потом, если захочешь, тем более что, мы подъехали уже к Севану.

– Подъехать-то подъехали, но нам еще ехать километров сорок. Мы поедем на противоположный берег, в Шоржу. Если здесь у полуострова почти всегда дует ветер, то там, как правило, его не бывает. Это все благодаря горной гряде, прикрывающей берег. Каждый раз мне это напоминает Гурзуф в Крыму, где схожая ситуация.

– Только там море несколько больше! – рассмеялась Анна.

– И теплее! – согласился я.

Когда мы подъехали к развилке на Иджеван, я спросил:

– Анна, и все-таки мне не понятно, зачем тебе нужен такой старик, как я? Ты, конечно, уже объясняла, как и что, но неубедительно.

– Понимаю, Старик, тебя смущает, что я целую тебя в губы? Но здесь нет ничего странного – мне понравился этот процесс, тем более что ты мой первый мужчина. Разумеется, в плане поцелуя. А в общепринятом смысле, ты не будешь им

никогда, поскольку, как я уже говорила, мне суждено умереть девственницей.

– Ты не можешь этого знать! Так говорят многие девочки до определенного возраста, но со временем это забывается. Но от тебя, все же, странно такое слышать.

– Как видно, ты всерьез меня не воспринимаешь, но придет время, и ты поймешь меня. Я всегда отвечаю за свои слова. Девственность – это моя религия, и об этом мы еще поговорим. Что касается твоего утверждения, что я не могу знать. Раскрою тебе еще один мой талант: дар предвидения. Не улыбайся! Знаю, сейчас это модно, и появилось много шарлатанов, делающих на обмане деньги, или преследующие другие цели. Но это не для меня! Хочешь, скажу, как ты умрешь?

– Было бы любопытно...

– Тогда слушай. Когда ты выполнишь свою функцию по отношению ко мне и станешь мне не нужен, я отправлю тебя в аэропорт, и ты улетишь из Еревана навсегда. Ты сядешь у иллюминатора самолета, и во время разбега увидишь, как взлетает ввысь черно-белый журавль. Ты будешь думать обо мне, едва сдерживая слезы, когда услышишь звук удара от столкновения самолета с журавлем. Самолет начнет падать, а ты будешь счастлив, что смерть придет к тебе так кстати.

– Что ж, благодарю за эксклюзивную информацию! Но, как всегда, ты говоришь загадками. Впрочем, я не возражаю,

так даже интересно. Роль загадочной девушки интригует.

– Старик, мне немного обидно, что ты воспринимаешь меня такой. Запомни: я не играю роли! Это мое естество.

– Тогда ответь мне, какую роль ты предназначила мне? Ты призналась, что используешь меня для каких-то целей. Собственно, об этом я тебя и спрашивал.

– Понятно, что ты об этом узнаешь. Но куда спешить? Прости, но ты в том возрасте, когда спешить некуда. А чем ты, собственно, не доволен? Ты общаешься и целуешься с молодой и красивой девушкой, которая тебе симпатизирует и признает в тебе своего раба. Я уверена, многие об этом лишь бы мечтали. Тебя что, не устраивает такое рабство?

– Анна, ты очень умело все закручиваешь, лишая меня всякой самостоятельности в наших отношениях.

– Старик, останови машину!

Я подчинился и съехал с дороги. Она обняла меня за шею и наградила столь долгим и умелым поцелуем, после которого трудно задавать вопросы. Отпустив меня на некоторое время, она сняла блузку и ее девичьи груди оказались совсем рядом. Затем взяла руками мои щеки и вновь прильнула к моему рту. Мои глаза невольно закрылись, но она приказала открыть их и не отрываться от ее взгляда, который физически не мог быть ближе, и это произвело на меня ошеломляющее воздействие, которое, при всем моем богатом опыте, было впервые. Воистину, проказы любви неисчерпаемы!

Но когда я попытался дотронуться до ее груди, она резко

отпрянула:

– А вот этого не надо! Запомни, мое тело неприкосновенно, как и все прекрасное. Я уже обещала тебе, что ты будешь его созерцать во всех ракурсах, во всех подробностях, каких пожелаешь. Более того, я сама буду для тебя гидом моего тела, которое изучено мною досконально. Я хочу, чтобы ты вник в суть моего совершенного тела, но оно должно оставаться девственным, иначе, поддавшись однажды искушению, тело потеряет свою первозданность.

– Анна, я ничего не понял из того, что ты сказала. Но ты пойми – ведь я мужчина!

– Ты раб! И этим все сказано. Хочешь, дам тебе вольную?

– Сдаюсь! – это все, что я мог сказать.

Мы поехали дальше. Вкус поцелуев Анны и запах ее тела превращали меня в непонятное существо. Она запрещала мне быть мужчиной, и в то же время, при поцелуях ее тело дрожало от истомы, входя в противоречие с ее разумом. В ней чувствовался огромный потенциал накопленной чувственности, но она наложила на нее табу. В моем понимании, такое поведение Анны было полной бессмысленностью. Но надо было признать, что оно приносило свою остроту в восприятиях. Когда я смотрел на нее, мне казалась, что она абсолютно недостижима для меня, что так и было. Но вдруг она начинала страстно меня целовать, и все рассуждения теряли смысл.

Я задал ей еще один вопрос:

– Анна, не сомневаюсь, что ты знаешь об этом, но скажу: у тебя потрясающая походка, на нее нормальному мужчине невозможно смотреть с безразличием. Благодаря походке, твое тело рвется напоказ, будто обнажается, не давая прохожему пропустить даже маленький нюанс твоих соблазнительных форм. Понимаю, что походка человека зависит от строения его скелета, но здесь что-то еще.

Анна стала смеяться и хлопать радостно в ладоши, и сказала:

– Старик, я тебя обожаю! Ты действительно любишь меня, раз все замечаешь. Походка – это продолжение тела. Я не могла, лелея его, не подумать и о походке. Для этого я ходила на уроки хореографии, где мой преподаватель меня научил многому. Это тот случай, когда интернет бессилён.

Шоржа небольшой поселок, население которого живет, в основном, за счет рыболовства. В свое время Севан славился своей форелью под названием ишхан. Ишхан был эндемиком, но человеческая жадность и глупость свела его естественную популяцию, практически, на нет. Выращивание в искусственных водоемах привело к потере его исключительного вкуса. Все же местным рыбакам удается вылавливать в небольших количествах эту рыбу, что является причиной приезда на Севан многих гурманов.

Проехав Шоржу, мы свернули на проселочную дорогу, которая вела к берегу. Вскоре мы подъехали к небольшому ресторанчику, где предлагали севанский ишхан. Анна выбрала

две рыбы, которые плавали в большом аквариуме, и попросила приготовить из них шашлык. Договорившись с официантом о встрече через час, мы поехали обустроиваться у берега.

Найдя безлюдное место, мы установили четырехместную палатку, которую Анна взяла с собой. По ее желанию, задняя часть палатки выходила непосредственно к воде. Это было сделано для того, чтобы можно было войти в озеро прямо из палатки, приподняв брезентовую стенку. Вся работа была проделана примерно за час, как мы и рассчитывали. Оставив Анну одну, я поехал за рыбой.

Официант был пунктуален, и когда я приехал за своим заказом, два ишхана уже жарились на мангале. Минут через пять рыба была готова. Расплатившись с официантом, я поехал к нашей с Анной временной обители. Анна оказалась предусмотрительной хозяйкой и заранее закупила все необходимое к рыбе, в том числе, и белое чилийское вино. В качестве стола она использовала надувной матрас, который установила на брезентовую подстилку. Раскрыв фольгу, в которой была завернута рыба, мы с удовольствием восприняли запах горячей рыбы.

Возникшая обстановка в палатке мне почему-то напомнила эпизоды из «Тысячи и одной ночи». Передо мной за столом сидела изумительной красоты обнаженная девушка, на которой красовались лишь маленькие трусики. О такой сказочной ситуации любой нормальный мужчина может

лишь мечтать. Казалось бы, нет ничего сверхъестественного – перед тобой сидит голая девушка. Но ее красота меняет все принципиально! Это натолкнуло меня на мысль заняться философией красоты, где на первом месте должна быть красота женского тела. Ведь созерцание красивого чего-то в природе (скажем, цветов) не несет в себе тех последствий, которые заложены в женской красоте.

Анна всячески подводила меня под свою философию: мол, она является неким живым эталоном женщины, служащим лишь для созерцания. Мне ничего не оставалось, как принять условия этой странной игры. Даже то, что она позволяла мне по отношению к себе, для меня было на грани невыносимого. И все же, я был мужчина, и в определенных ситуациях с нею, мне было непросто воспринимать ее ограничения. Было понятно, что придется еще не раз сталкиваться с ее вычурным поведением, но ее конечная цель по отношению ко мне, оставалась загадкой.

Я устроился на небольшом пуфике, который возил с собой в багажнике, а Анна сидела напротив меня, пользуясь терминологией йоги, в позе лотоса, прямо на земле. Бутылку вина она открыла сама и положила перед собой, мне же передала минеральную воду, объявив, что мне алкоголь не позволителен, поскольку я за рулем. Впрочем, я даже был рад этому, так как, при ее недоступности, выпивка лишь усугубила бы мои проблемы.

Мы достаточно проголодались, поэтому на пищу набросились с вожделением. Особенно это касалось меня, поскольку еда в обществе Анны приводила к воспоминаниям, связанным с ее выходками в ресторане. Я с нетерпением ждал от нее нового подарка, который она дарила при каждой встрече. Ее молодость, красота и непредсказуемость в поведении превратили меня в некое безвольное существо, живущее ожиданием милостыни.

Анна, сделав пару глотков вина прямо из бутылки, спросила:

– Старик, ты думаешь, я забыла взять с собой ножи, вилки, тарелки и стаканы? Хотя, нет! Я знаю, что у тебя прекрасная память, и ты помнишь, что я говорила о своей любви к нецивилизованному образу жизни. И сегодня, когда мы вдвоем, можем позволить себе быть раскрепощенными, не связанными какими-либо условностями. Обожаю кушать руками!

– Честно говоря, я тоже не против такого образа жизни, особенно, когда ты рядом и в хорошем настроении.

– А у меня привычка быть в хорошем настроении. Такова натура. Все идет от внутренней конструкции человека, что предопределяет его жизнь.

– Не спорю, – согласился я, – но не стоит столь категорично утверждать насчет всей жизни. Ты молода, красива, талантлива – это истоки твоего оптимизма. К сожалению, жизнь вносит свои коррективы в натуру человека.

– Старик, ты склонен к пессимизму. Жизнь вносит много корректив в мечту человека, но не в его натуру. Не будем говорить об истоках, ибо они многогранны и не столь однозначны, как ты предлагаешь. Есть много жизнерадостных людей с внешностью весьма далекой от совершенства.

– Что-то нас все время тянет на глубокомысленные разговоры. В то же время наши отношения напоминают мне «Лолиту» Набокова.

– Нет, уж! Категорически не согласна. Набоков пишет о несовершеннолетней самочке, торгующей своей молодостью. В нашем случае ничего подобного нет. Если ты имеешь в виду разность в возрасте, то и здесь ты неправ: у нас наберется гораздо больше годов. Плюс ко всему, у нас нет, и не будет, половых связей.

– Тогда мне совершенно не понятно, зачем я нужен тебе?

– Ты вновь возвращаешься к своему любимому вопросу. Зачем тебе это, если ты получаешь удовольствие от меня? Как я уже предсказала, осталось жить тебе немного. Так наслаждайся! Неужели необходимо строить планы на жизнь и предугадывать ее? Даже я, в моем возрасте, не делаю этого!

Закончив с рыбой, мы принялись за десерт. Анна привезла с собой яблоки, груши и даже виноград. Фрукты были прошлогодние, но хорошо сохраненные для этого времени года. Виноград для меня был лучшим десертом – видимо, сказывалось мое происхождение.

Человек склонен мечтать, но даже самая смелая фантазия

не могла бы привести меня к той ситуации, в которой я оказался. Было понятно, что рядом сидит незаурядная девушка, но как я вписался в круг ее интересов, выходило за рамки моего понимания. Следуя ее совету, я решил более не терзать себя этими мыслями, и полностью подчиниться ей. Она привела меня к состоянию, когда любое ее движение приводило меня в восторг. Но наибольшее влияние оказывали на меня ее глаза, которые могли заменить речь своей выразительностью чувств. Собственно, Анна – это ее глаза, с которыми я общался. Однако был взгляд, которого я ждал непрерывно, с тех пор, когда увидел его впервые. Взгляд – мгновение. И я дождался.

Посмотрев на меня, Анна набрала в рот вина прямо из бутылки, наклонилась ко мне и, ухватив левой рукой мою шею, прильнула к моему рту и напоила вином. Чтобы удержать равновесие, я обнял ее за талию. Это было первое мое прикосновение к ее телу. С такой гладкой кожей я столкнулся впервые, и в голове у меня промелькнуло: она во всем совершенство! А промелькнуло потому, что Анна своими губами увела меня в другой мир.

Увлеченный поцелуем, я потерял равновесие и, соскользнув с пуфика, упал спиной на землю. Но даже это падение не заставило Анну оторваться от моих губ. Она лежала на мне, и я почувствовал телом ее грудь. Следуя естественному желанию, моя рука, державшая ее за талию, соскользнула вниз, но ответом этому поступку был укус в мою ниж-

нюю губу. Это был приказ: не трогать! Тогда я обеими руками обхватил ее спину и сильно прижал к себе. Видимо, я проделал это неуклюже, и Анна попыталась высвободиться из моих объятий. Я отпустил ее, распластав свои руки по земле. Тогда она удобнее устроилась всем телом на мне, при этом, не отрываясь от поцелуя. Естественное желание мужчины трогать ее, мне было запрещено, но выбора не было.

Наконец, оторвавшись от моего рта и часто дыша мне в лицо, она заявила:

– Старик, мне ужасно нравится целоваться! В поцелуе сосредоточена такая большая гамма чувств и страсти! Мне кажется, что рот самое сексуальное средство для передачи эмоций любви. Я не отрицаю остальных частей тела, предназначенных для вождения, но это где-то там, не совсем рядом. Знаю, ты сейчас начнешь возражать, мол, я не могу судить о том, чего не испытала. Но это не совсем так!

Сказав это, она скатилась с меня на землю и сняла трусики.

– А вот и доказательство! – улыбаясь, сказала она и положила трусики на мое лицо. – Ты видишь, какие они влажные? И так каждый раз после поцелуя. И это еще не все, – продолжила она и сев на мой живот, спросила, – ты чувствуешь, что там творится?

Животом я ощутил ее горячее и совершенно мокрое естество. Как и в прошлый раз, она намочила свои пальцы этой

влагой и вытерла их о мои губы. Затем последовал долгий поцелуй, после чего она вновь повторила предыдущее действие. Это было похоже на сумасшествие: если меня пьянил запах ее естества, то ее, как мне кажется, факт того, что она натирала мои губы собой. В какой-то момент в ее глазах появилось безумие, и она стала натирать своими влажными пальцами мне лицо, после чего я ощутил, уже знакомую мне, дрожь ее тела. И страсть Анны, накопленная за многие годы воздержания, хлынула мне на живот, стекая ручьями на землю.

Какое-то время мы, молча, лежали рядом. Наконец, Анна заявила:

– Хочу пи-пи! Пошли вместе, выберем место для туалета.

Я не возражал, и мы вышли из палатки. Подобрал удобное место среди кустарников, Анна присела и занялась своим делом. Я, было, отвернулся, но она, с обидой в голосе, спросила:

– Старик, тебе неприятно смотреть, как я делаю пи-пи? Мы же на природе и у нас уже не может быть друг от друга секретов. Повернись!

Я подчинился. Закончив процедуру, она подошла ко мне и спросила:

– А ты?

Я пожал плечами. Тогда она неожиданно быстро спустила мои трусы до ступней и высвободила их из-под ног. Взяв трусы в руки, она радостно воскликнула:

– Старик, а они у тебя тоже мокрые! Как видишь, наши поцелуи дают одинаковые последствия. Интересно, а как пахнешь ты?

Анна поднесла трусы к своему носу и, немного подумав, сказала:

– Необычный аромат, но что-то в нем есть.

И только тут ее взгляд остановился на моем мужском достоинстве. Она подошла ко мне, взяла его в руку и, с любопытством разглядывая, тихо произнесла:

– Интересная штука! Это совершенно не то, что я видела на скульптурах. Исключительно оригинальная вещь, да еще предназначенная для выполнения двух функций! Старик, продемонстрируй мне сейчас одну из них.

Непосредственность Анны обескураживала, а необычность ситуации тормозила меня совершить ее просьбу. Как ни странно, Анна быстро разобралась в ситуации и уверенно произнесла:

– Он слишком застенчив! Но у него нет шансов против меня – я подожду.

Когда струя вырвалась наружу, Анна с детским восторгом стала направлять ее по сторонам и смеяться:

– Какая удобная штука! Наконец-то я ощутила преимущество мужчин перед нами. Как жаль, что я не могу иметь такую же игрушку!

– Могу тебе подарить! – предложил я.

Анна как-то странно посмотрела на меня и не ответила.

После выполненных процедур, мы пошли к палатке. Анна взяла мои трусы и вошла по пояс в воду, желая их отстирать. Через некоторое время она зашла в палатку и, порывшись в рюкзаке, достала мыло и вновь вернулась в озеро. Закончив стирку, она подвесила к потолку палатки мои трусы. Я сидел в палатке, прикрывшись сорочкой. Увидев это, Анна подошла ко мне и возмущенно сорвала ее, сказав:

– Старик, мне надоело твое ханжество. Мы же пришли к соглашению, что прекраснее человеческих тел Бог ничего не создал. Здесь мы вдвоем, кого стыдишься? Почему я так легко понимаю восторг мужчины по отношению к женскому телу, а ты не хочешь поверить, что такие же чувства могут быть у меня по отношению к тебе? Мне кажется, что было бы неестественным, если бы мне, как женщине, не понравился бы мужской член.

– Честно говоря, мне странно слышать такое от девушки, которая собирается остаться девственницей на всю жизнь. Думаю, девственность и он – антагонисты. Пожалуй, это единственный случай, когда жертва обожает своего убийцу.

– Несомненно, ты прав, поскольку решение о сохранении девственности входит в противоречие с основными понятиями жизни. Но это не исключает моего эстетического и сексуального восприятия как женщины. Не думаю, что у тебя есть сомнения в моей сексуальности, я бы сказала даже – чрезмерной. Что же касается твоего естества, мы найдем ему применение. Это же носитель новой жизни. Я была пораже-

на результатом его деятельности, когда стирала твои трусы. Его жизнестойкость феноменальна, ибо даже мыло не смогло полностью справиться с ним.

Закончив свою мысль, Анна наклонилась ко мне и поцеловала. Затем достала из кармана моих брюк свои трусики и прикрепила их к моим трусам.

– Думаю, в их содружестве есть определенный смысл! – заключила она.

– Анна, а не пора ли нам воспользоваться Севаном? – предложил я.

– Пожалуй, ты прав, – ответила она, – только помоги мне приподнять брезент задней стенки палатки, чтобы отсюда входить прямо в воду.

– С большим удовольствием! – ответил я. – Мне сразу понравилась твоя идея с непосредственным выходом в озеро, когда мы устанавливали палатку.

Подставив под брезент две ветки, мы получили желаемый проход. В этом месте Севана берег песчаный и пологий. Анна первой вошла в воду и медленно, как небольшой кораблик, отчалила от берега. Через несколько метров она полностью погрузилась в воду, и на поверхности воды был виден лишь шлейф ее длинных волос. Через некоторое время исчез и он – Анна полностью ушла под воду. Я спокойно ждал, когда она вынырнет из воды, но время шло, а Анна не появлялась. Забеспокоившись, я бросился в воду на ее поиски. Мной овладела паника, и я по горло залез в воду, наде-

ьясь руками нащупать ее тело. И мне это удалось, когда Анна вынырнула из воды и, обхватив мою шею руками, повисла на мне. Я обнял в воде ее за талию и, с укоризной, спросил:

– Ты это нарочно делаешь? Как видно, ты задалась целью заставлять меня беспокоиться и постоянно ждать тебя.

Отдышавшись, Анна со смехом, ответила:

– А тебе не надоело жаловаться на меня? Пора бы привыкнуть! А какие, собственно, у тебя претензии сейчас? То, что я долгое время находилась под водой? Что ж, раскрою про себя еще одну страшную тайну: вода – моя стихия. И знаешь почему? Потому что тело требует ухода, и вода – идеальное средство для этого. Я регулярно хожу в бассейн, и приучила себя находиться под водой более трех минут. Надеюсь, ты тоже равнодушен к воде.

Она говорила мне прямо в лицо, и исходящий из ее рта запах молодости меня пьянил. Ее непосредственность в поведении не позволяла заподозрить ее в каких-то корыстных целях по отношению к человеку, который был неестественно старше ее для таких отношений. Да, я был счастлив с нею и благодарил Бога за столь невероятный подарок на склоне лет, но что-то протестное сидело во мне, и это мешало. Наедине с собой я задавал вопрос, а подарок ли это? Возможно, расплата за что-то? Но я успокаивал себя тем, что ради минут, проведенных с нею, готов платить всем.

Анна подставила мне губы, и я поцеловал их. Я получил нежный ответ, и она прижалась ко мне телом, обхватив под

водой меня ногами. Левой рукой я держал ее за талию, а правой прижимал за спину. Был большой соблазн опустить руки ниже, но, зная ее запреты, я не решился, хотя ее поцелуи становился все более воинственным. Я нарочно опустился вместе с нею под воду, и она приняла вызов. Разумеется, я проиграл и, оторвавшись от ее рта, всплыл за глотком воздуха. Она выплыла вместе со мной и приказала следовать за ней, уплывая в сторону от берега. Очень быстро стало понятно, что угнаться за нею было невозможно – вода действительно была ее стихией. Я окликнул ее, дав понять, что плыву обратно.

Забравшись в палатку, я сел у прохода, ожидая ее возвращения. Она плыла на спине и, добравшись до мелководья, остановилась, так как великолепный изгиб задней части ее тела врезался в песок, а глаза и соски смотрели в небо, соблазнительно зазывая к себе. Анна прекрасно понимала, что делает, и это было похоже на подготовленную муку, ибо грудь для меня являлась запретным плодом. Но взамен я получал ее рот, всегда готовый к поцелуям. Я выполз на животе из палатки и добрался до ее губ. Положение наших тел было мало удобно для поцелуя, но зато перед моими глазами возвышались над грудью возбужденные соски. Соблазн поцеловать их был огромен, но непредсказуемость поведения Анны меня сдерживала. Трудно было поверить в то, что ей самой не хотелось этого – уж слишком много было в ней нерастраченной чувственности! У меня возникло чувство, что надо

мною ставят какой-то эксперимент по психологии мужчины, помещенного в нестандартные условия.

Вытолкнув языком мой поцелуй, Анна приказала занести ее в палатку и вытянула над головой руки. Взявшись за них, я втащил ее в палатку так, что в воде остались лишь ступни ее ног. Анна с любопытством разглядывала меня, лежа на спине. Я стоял голый перед ней, ожидая дальнейших ее действий. Но она настолько увлеклась изучением некоторых частей моего тела, что, казалось, забыла обо мне. Наконец, она обратилась ко мне:

– Старик, должна признать, что меня заинтересовала твоя мужская штучка. До сих пор я имела возможность во всех подробностях изучать себя, и мне это нравилось. Сейчас появилась возможность также изучить строение мужчины, и если ты мне позволишь, то при удобном случае я займусь этим.

– Я в твоей власти, Анна! Или ты забыла, что от раба не требуется позволения?

Она рассмеялась и, чуть приподнявшись, шелкнула по свисающему кончику. От неожиданности, я отпрянул, что еще больше привело ее в восторг. Затем, поняв, что причинила мне боль, попросила меня встать на колени и нежно поцеловала место удара.

– Надеюсь, теперь он не в обиде на меня? – по-детски, спросила она. – Я уверена, мы еще с ним подружимся! – и вновь рассмеялась.

– Дай Бог! – ответил я.

– А почему с такой иронией, Старик? Хотя догадываюсь – это из-за уважения к моей девственности. Кстати, я обещала показать ее тебе. Как мне кажется, это фантастическое зрелище.

– Анна, я согласен изучить тебя во всех подробностях, но ты ведь не музейный экспонат, а я не бездушный поклонник искусства. Или ты забыла, что я мужчина или, по крайней мере, живое существо?

– Опять ты беспокоишься о себе! А может, мне это доставляет удовольствие, и я являюсь приверженкой эксгибиционизма? Даже если это так, разве ты не будешь доволен созерцанием меня во всех подробностях? Я предлагаю тебе увидеть самую сокровенную часть моего тела. Это та самая суть женского существа, которая правит миром. Слишком претенциозно? Возможно. Но это утверждение трудно опровергнуть! Она управляет судьбами, по крайней мере, половины человечества. Ради ее притягательной силы мужчины-медики идут в гинекологи. И не только мужчины!

– Анна, если бы так говорил мужчина, было бы не так странно. А ты ей поешь осанну как одушевленному существу.

– Ты считаешь, что у нее нет души? Тогда скажи мне, где находится душа женщины? По моему мнению, именно в ней. Да и не она ли, в большинстве случаев, управляет мозгом? – спросила Анна и посмотрела мне в глаза, требуя вразуми-

тельного возражения. Я не стал спорить, но задал встречный вопрос:

– Тогда, по твоей логике, у мужчины душа расположена в аналогичном месте?

Она рассмеялась и, указывая пальцем на него, ответила:

– Ну, это известный факт! Достаточно взгляда, чтобы понять это, особенно, когда он возгордится! А вот и доказательство – он пришел в движение.

Мне показалось, что я от смущения покраснел, ибо от таких разговоров трудно ожидать другой реакции. Опустив глаза, я увидел, что он действительно немного приподнялся, и пришлось признать очевидное:

– Действительно, этот парень всегда имеет свое мнение, и иногда происходят казусы, когда наши мнения не совпадают. Опытные женщины весьма осведомлены об этом. Однако связано ли такое с душой, я не уверен. Но, прости, откуда у тебя такие познания, если ты до меня не общалась с мужчинами?

– Старик, почему ты часто повторяешься в своих вопросах? Я же говорила, что черпаю свои знания из интернета – самого выдающегося создания нашего века. Скорее всего, ты будешь укорять меня за это, но мне нравится смотреть порно. Отношение к порно – прекрасный показатель двуличности современной морали. К сожалению, хороших фильмов бывает крайне мало. Впрочем, это относится ко всему.

– Ты плохо обо мне думаешь. Я считаю, что все, созда-

ваемое человеком, необходимо и прекрасно. Вопрос лишь в том, чтобы оно было сделано красиво. Но создать нечто красивое удается редко, даже Богу. Скажем – тебя!

– Не подлизывайся, Старик! Ты все равно получишь свое. Мы слишком много говорим, и по твоим глазам я вижу, что им не терпится взглянуть на обещанное мною существо. Выплыви ко мне из воды, и она предстанет перед тобой во всей своей блистательной красе.

На мгновение я представил себе этот глупейший разговор со стороны. Разумеется, он выглядел бы нелепо, если бы не одно обстоятельство: нами управляла сексуальная муза. Не знаю, существовала ли такая муза в мифологии, но сейчас мы находились под ее покровительством.

Подчинившись воле моей повелительницы, я окунулся в озеро и медленно поплыл обратно к палатке. Последнюю пару метров я, фактически, прополз по песку, и едва не уперся лицом в ожидавшее меня чудо. Поскольку палатка была установлена непосредственно у берега, я находился наполовину в воде. Анна лежала на спине с раздвинутыми и согнутыми в коленях ногами, прикрывая ими вход в палатку. Подложив под голову рюкзак, она наблюдала за мной.

– Признайся, Старик, что ты думаешь сейчас о том, что я лишена чувства стыда? – спросила Анна, как всегда, улыбаясь, обнажая красивые зубы.

– Неужели в этой ситуации я способен думать? – в тон ей, ответил я.

– Пожалуй, ты прав! Она мне тоже нравится. Как уже говорила, я всегда изучала свое тело во всех подробностях, и более всего восхищалась ею. Бог обладал безупречным вкусом, создавая женщину, и эта ее часть была вершиной его творчества, а чтобы подчеркнуть ее незаурядность, наделил ее девственностью. И мне хочется, чтобы ты ее увидел, поскольку являешься моим единственным мужчиной, и достоин ее созерцания.

Анна двумя руками раздвинула набухшие лепестки, демонстрируя свое самое сокровенное.

– Старик, я представляю твои чувства сейчас, раз так заморожено смотришь на это чудо. После того, как Бог создал ее, он построил Врата Рая по ее подобию, куда вход закрыт девственной преградой, ибо до сих пор ни один смертный в Рай не попал, поскольку еще не был рожден безгрешный человек безгрешной матерью.

– А как же Дева Мария? – возразил я.

– Об этом мы поговорим позже! – сказав это, Анна села, поджав ноги под себя, и жестом подозвала меня к себе. И вновь я увидел этот взгляд, который сулил мне долгий пьянящий поцелуй.

Как всегда, после долгого поцелуя она смочила своим ароматом мои губы и спросила:

– Так что, я лишена стыда?

– Если следовать Библии, то – да! Но это мне нравится!

– Старик, ты вновь ошибаешься. Пока Адам и Ева были

в Эдемском лесу, они были наги и не знали стыда. А мы сейчас в нашем раю, и не слышали про стыд, и так будет всегда! И я не поддамся искусу.

– Но что изменится, если ты отдашься своему единственному мужчине?

– Изменится все! Мужчине не понять глубины смысла девственности, созданной с умыслом Богом. Признаюсь, мне интересен твой змей-искуситель, и я еще займусь его изучением, но вход в мой рай ему закрыт.

– Анна, мне совершенно не понятно, о чем ты говоришь, поэтому не могу возражать. Да и зачем? Главное – чтобы твое присутствие длилось как можно дольше. И я хочу, чтобы твой запах, разбавленный Севаном, не покидал меня до конца этой поездки.

И вновь я увидел этот взгляд! Она опустила руку к своему сокровищу, и затем всей мокрой ладонью прошла по моему лицу. Эта фантастическая уверенность в своих поступках, в своем существе, добавляла особый шарм во все происходящее. Она стала целовать не только мои губы, но и лицо. В ней было столько азарта и страсти, что казалось, она полностью потеряла контроль над собой. Она отдавалась!

Мне где-то стало ее жалко. Она была создана идеальной женщиной, с неисчерпаемой чувственностью, и ради надуманной бредовой идеи о сохранении девственности, ограничивала свое сексуальное безумство. Хотя, по косвенным разговорам, я догадывался, что за всем этим было что-то еще.

Анна приучила меня к своим резким выходкам, поэтому, когда неожиданно встала надо мной, оторвавшись от поцелуя, я не удивился. В ее взгляде я уловил нечто новое.

– Старик, жаль, что ты не знаком с Вильямом Бугеро! – сказала она, глядя на меня сверху.

– А вот и ошиблась, дорогая! – весело ответил я. – Ты забыла о существовании своего учителя – интернета. Когда ты мне рассказала о Бугеро, я в тот же день заглянул в интернет. Действительно, блестящий художник!

– Что ж, это меняет ситуацию. Тогда вспомни его картину «Рождение Афродиты» и посмотри на меня.

Она встала в позу, запечатленную на картине Бугеро. Выражаясь словами А. Пушкина, передо мной явился гений чистой красоты. Глядя на нее, я благодарил Бога, что рожден мужчиной, ибо женщина была создана для него! Анна довольно долго стояла в этой позе, ожидая моей оценки. Не дождавшись, она спросила:

– Я была права насчет груди?

– И не только груди! – восторженно ответил я. – Как жаль, что во мне отсутствует талант художника. Если ты хочешь сравнения с картиной, скажу, что твоя грудь не только больше, чем у Афродиты, но и отличается упругостью, чего нет на картине Бугеро. И еще мне нравятся твои более полные и округлые ножки. Впрочем, здесь дело вкуса, и я не собираюсь оспаривать выдающегося художника. Хотя, ему просто не повезло, что ты родилась гораздо позже.

– Уж, не влюблен ты в меня? – кокетливо спросила Анна.

– Влюблен? Разумеется, нет! Я просто не знаю слова, которое могло бы описать мои чувства к тебе. Если б имел такое право, то придумал бы!

– А ты придумай. Я разрешаю!

– Нет, Анна, во мне нет такого количества таланта. Но подумаю! – рассмеявшись, ответил я.

– Когда придумаешь, не забудь мне сказать. А теперь ляг, пожалуйста, на спину.

Я подчинился, и она уместилась на мне как на матрасе, обхватив мою голову ладонями, стала шаловливо биться своим носом о мой нос. В ее поведении так часто было столько детского, что приводило меня в замешательство. Я любил ее то, как девочку, то, как женщину, и не мог разделить эти понятия. Своим непоследовательным поведением она заставляла меня смотреть на свое тело, или как на нечто отчужденно-красивое, или как на предмет вожделения. Ее безумство подавляло мою волю, и я чувствовал беспомощность перед ее красотой. Понятно, что в основе всего была огромная разность в возрасте, но Анна не оставляла мне выбора.

– Старик, если ты не можешь объяснить свои чувства, то у меня все до обидного просто: я люблю тебя! – сказав так, она вновь отдалась поцелуям, которые для нее были высшим наслаждением.

Назначив меня рабом, Анна была недалеко от истины – в наших отношениях было все подчинено ей. Насытившись

ласками, она сказала:

– Старик, давай останемся здесь на ночь.

– С большим удовольствием! – ответил я. – Но ночью здесь будет холодно.

– Ничего страшного! Я взяла с собой двухместный спаль-
ный мешок.

– А ты предупредительна во всем! – весело ответил я,
услышав о мешке на двоих.

– Это одно из основных качеств женщины! – сказала она
с гордостью.

Вечерело. Мы принялись за бутерброды, привезенные
Анной. Как ни странно, мы были очень голодны. Видимо,
сказывалось влияние свежего воздуха и обилие выплеснутой
эмоциональной энергии.

Покончив с едой, Анна принялась за обустройство нашей
временной обители. В горах темнеет быстро, и скоро появи-
лись звезды. Анна установила нашу постель так, чтобы го-
ловы торчали из палатки. В ее планы не входило обращение
к одежде, и мы голые забрались в спальный мешок. Если бы
у меня попросили описать счастье, я рассказал бы об этом
дне. Мы лежали рядом так, когда не бывает ближе, и над на-
ми было лишь небо. Звездное небо никого не оставляет рав-
нодушным. Вглядываясь в него, как правило, приходят мыс-
ли о своей ничтожности, и величии непостижимости мира.
Мы долго молчали, любуясь черным небом. Первой загово-
рила Анна:

– А ведь Бог есть! Когда обозреваешь бесконечность, кажется, что для всех он един. Но человеческое высокомерие и глупость приводят к тому, что каждый из нас позволяет себе иметь право выбора Бога, будто их может быть несколько. Более того, некоторые люди уверенно утверждают, что Бога не существует. Тогда кто все это создал? Отрицать удобно, но объяснить многое без божественного начала – невозможно. Хотя бы жизнь и смерть.

Помню, какое ошеломляющее воздействие произвел на меня Данте, его сумрачный лес и встреча с Вергилием. Я была поглощена описанием Ада, Чистилища и Рая. Однако со временем, во мне остались лишь картины Ада, и я задала себе вопрос: почему? Это был сложный вопрос, но со временем пришла к выводу, что если и существует потусторонний мир, то кроме Ада, там ничего нет, ибо от совершенного греха невозможно очиститься.

Читая «Божественную комедию», я находила много интересных идей, но наиболее близкую мне, выучила наизусть:

И вождь в ответ: «То горестный удел
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел.

И с ними ангелов дурная стая,
Что, не восстав, была и не верна
Всевышнему, средину соблюдая.

Их свергло небо, не терпя пятна;
И пропасть Ада их не принимает,
Иначе возгордилась бы вина.

И смертный час для них недостижим,
И эта жизнь настолько нестерпима,
Что все другое было б легче им.

Их память на земле невоскресима;
От них и суд, и милость отошли.
Они не стоят слов: взгляни – и мимо!»

Закончив читать, Анна вновь стала разглядывать небо, видимо, ожидая от меня ответа, но я молчал. Мне были понятны отрывки из Данте, которые она продекламировала. Собственно, эту мысль она высказывала еще тогда, когда говорила, что ненавидит среднюю массу людей, которые живут, не выходя за пределы потребительского сознания. Но если Данте прав, и в Ад не принимают соблюдающих «средину», то для основной массы умерших людей смертный час недостижим. Я хотел уже предложить Анне эти мысли, когда она заговорила снова:

– И все же, если существует Ад, то необходим и Рай, пусть даже абсолютно недоступный. У людей нельзя отнимать веру. А мое сравнение ворот Рая с девственностью, не так уж безобразно!

– Лично мне, такой архитектурный вариант по душе, – от-

ветил я.

– Старик, ты неисправим! Но твоя манера подтрунивать надо мной мне даже нравится.

– Анна, до сих пор и мне нравилось, что у тебя полностью отсутствует комплекс неполноценности, присущий большинству женщин. А тут вдруг элемент обиды. Мне действительно симпатична твоя фантазия.

– Я все поняла: тебе просто нравится Она.

– А я и не отрицаю. Действительно, это лучшее, что создал Бог, и с этим полностью согласен с тобой.

Анна прижалась ко мне и принялась за свои любимые поцелуи. Слиянье голых тел трудно передать словами, ибо оно переходит в область чувств. Хотя мне и было запрещено трогать ее тело руками, я хитрил, пользуясь тем, что мы находимся в одном спальном мешке, и ласкал ее, подозревая, что эта уловка нравится и ей. Вообще, надуманные ею табу, походили на пытку для нас обоих. Возможно, поэтому она каждый раз резко отталкивала меня после долгого поцелуя. И на этот раз, отринув меня, она легла на спину, и я почувствовал знакомую дрожь ее тела. Успокоившись, Анна продолжила тему:

– Старик, ты сказал, что Она в твоём вкусе. Очевидно! Если говорить прямым текстом, это обыкновенная похоть мужчины. Но для меня Она из области религии, и об этом я уже говорила. Поскольку у нас еще вся ночь впереди, остановлюсь на этой теме подробнее. Человек иногда совершает по-

ступки, которые невозможно пояснить в двух словах, поэтому к их объяснению надо время от времени возвращаться, что я и делаю. Уверена, что все мои разговоры о девственности, ты причисляешь к временной ненормальности – мол, с возрастом пройдет. Нет, здесь другое. Поясню.

Я росла умным ребенком, что, кстати, не очень-то хорошо, ибо быстро лишаешься детства. За умом следует любопытство, которое задает вопросы. Но вопросы обычного ребенка удовлетворяются несложным ответом. А с талантливым ребенком все гораздо сложнее. У меня возникали вопросы, которые я не могла задать даже матери, и это относилось к моему телу. Думаю, у мальчиков все проще, так как у них не происходит столь серьезных изменений тела в процессе роста, как у девочек. Конечно, к этому можно было относиться спокойно, но во мне рано проявилось влечение к эстетическому восприятию мира, и я была восхищена женской красотой. Как тебе уже говорила, я всерьез занялась изучением тел, изображенных в произведениях живописцев, скульпторов, фотографов. Все, что удавалось мне найти, я сравнивала со своим телом, во всех подробностях. Должна признаться, это было привлекательное и захватывающее занятие, и я с ревностью относилась к тем фигурам на портретах, которым я уступала по каким-то параметрам, но время взросления шло и все становилось на свои места. И пришло мгновенье, когда я поняла, что Бог создал из меня совершенную женщину, красоту которой невозможно превзойти. То-

гда я задала себе вопрос: для чего? Ведь Бог впустую не работает! Ответ на этот вопрос пришел не сразу, но пришел!

Анна лежала на спине, и казалось, что рассказывает про все не мне, а небу. Слушая ее, я понимал источник ее уверенности в себе. Можно было бы упрекнуть ее в самолюбованиях, но было бы несправедливо, ибо она говорила истину. Я отдавал ей должное, что она могла видеть себя со стороны. Мне не хотелось ее прерывать, задавая вопросы, что ее вполне устраивало. Но здесь она сделала паузу, ожидая моего вопроса, которого не последовало. Тогда она перекатила свое тело на мою грудь и принялась за поцелуи. Думаю, блаженство произошло от поцелуев!

Насытившись, Анна продолжила:

– Старик, а ты хитрец! Не задаешь вопросы, когда знаешь, что ответа не будет.

– Я не хитрец, а обыкновенный человек, находящийся в состоянии счастья. Я впитываю в себя твое существо: тело, дыхание, голос, запах, непонятный жест, смех, внезапное исчезновение и случайное возвращение. Хочу, чтобы ты говорила и говорила, а я бы молчал и слушал с упоением, понимая, что все это сон. Я со страхом жду момента, когда проснусь и пойму, что ты мне приснилась, ибо так не бывает, так просто не может быть, чтобы старика целовала девушка, олицетворяющая собой жизнь.

Анна прикрыла мой рот рукой и сказала:

– Будем считать твой монолог признанием в любви.

Но не унижай себя, и еще больше – меня! Неужели ты все время будешь возвращаться к теме возраста? Выскажу некоторые соображения. Действительно, по числу прожитых лет разница огромная. Но только ли этим определяется возраст? Для всего земного – да. Но не для человека! В двенадцать лет Иисус Христос разговаривал, как минимум, на равных с равными. Другой пример. Разница между творениями нашего общего знакомого Сальвадора Дали и Иеронимом Босхом составляет четыре века, но, когда смотришь на их картины, трудно увидеть в них столь большую разницу в возрасте. А ведь Босх понятия не имел о сюрреализме. Кстати, и ты говорил о сюрреализме – совмещении сна и реальности. Должна признаться, что у меня те же ощущения.

Так вот, таких примеров можно привести великое множество во всех областях творчества человека, будь то искусство, музыка, философия или литература, где временные различия сокращены до предела, когда все звучит современно. Ты можешь возразить, что это касается лишь гениев. Могу согласиться с этим лишь частично. Просто у гениев такое сокращение времени гораздо больше, чем у обычных людей.

Теперь перейдем к нам. Во-первых, каждый мой поцелуй делает тебя существенно моложе! И я постараюсь значительно тебя омолодить. Во-вторых, я тоже в двенадцать лет была много старше своих сверстниц. Понятно, что физическое старение остановить невозможно, ибо так захотел Бог. Но мы люди, обладающие фантастическим разумом, поэтому долж-

ны говорить об интеллектуальной конкуренции. И в некоторых случаях я чувствую, что старше тебя. Здесь нет ничего странного. В подтверждение этих слов, вспомни себя, когда робко подчиняешься мне и превращаешься в юнца, впервые увидевшего голую женщину. Думаю, моя мысль понятна.

Что же касается твоего физического состояния, то с этим все в порядке – я же прижимаюсь к тебе! Признаюсь, мне иногда жалко Его, но что поделаешь – такова у него судьба. Но полностью Его отрицать не будем – придет и его время. И если Он слышит эти слова (а Он их слышит!), то пусть не возрадуется, ибо моя девственность неприкасаема! Но Он мне очень необходим для будущего!

Здесь я понял, что Анна вновь начала свою игру в неизвестность, давая волю моей фантазии по поводу Его перспектив. Но вопросов решил не задавать, чтобы не мешать ее логической цепочке мыслей. Да и зачем? Мне нужен был ее голос, ее рядом лежащая нагота и пьянящий запах! Интересно, подумал я, как бы изобразил сюрреалист этот не поддающийся описанию запах девственницы? (Разумеется, не старой девы!)

Анна же, сделав небольшую паузу, продолжила:

– Старик, мне кажется, ты сейчас думаешь, что я помешалась на теме Он и Она из-за нерастраченных гормонов. Действительно, говоря о них как о самостоятельных существах, а не о части тела, можно прийти к этому выводу. Впрочем, я и не отрицаю, что такой эффект есть. Было бы странно, ес-

ли бы его не было. Я ведь пошла против Бога. Но обещаю возвратить свой грех, и это будет покаяние, которое он, Бог, не сможет не принять!

И тут с неба друг за другом упали три звезды. Я не сдержался и сказал:

– А вот и подтверждение тому, что Бог тебя услышал, по-слав на землю звезды.

– Не морочь мне голову, Старик! – спокойно ответила Анна, – это обычные метеориты, сгоревшие в атмосфере. И не несут они вести о смерти кого-то.

– Ты что, занималась и физикой?

– Нет, она не для меня, но звездным небом была увлечена некоторое время. Когда впервые я увидела современные фотографии ночного неба, то была потрясена. Именно – «потрясена», другого слова не подберешь. Оказывается, количество звезд исчисляется миллиардами. Какое-то время я увлеклась астрономией, и чем больше вникала в ее суть, тем меньше верила в ее выводы. Мне не хочется сейчас говорить о противоречивых утверждениях астрономов, но я пришла к своим представлениям о сущности звезд. Думаю, древние люди были ближе к истине, чем современная наука.

Знаю, ты в уме сейчас усмехнулся из-за моего очередного наглого заявления. Но я воспользовалась принципом, предложенным научным сообществом, что истина подтверждается лишь опытом. Интересно, каким опытом можно доказать, что звезда находится от нас, скажем, на расстоянии милли-

она световых лет? Ответу: лишь путем принятых постулатов. Однако многие из этих постулатов противоречат Библии. Но это ученых мужей не смущает, ибо они возгордились, позволив себе отрицать божественное.

«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Это из Библии. И где же находится душа человека? Ученые ее просто отрицают – так проще!

У любого человека, долго смотрящего на звездное небо, возникают множество вопросов. Так и у меня, особенно после увиденной фотографии. Поиски ответов на мои вопросы я начинаю искать, как правило, в Библии. Но о происхождении звезд там ничего нет. Тогда я выдвинула свой постулат: когда Бог создавал небо, на нем не было звезд. Не было потому, что первая звезда появилась после смерти Авеля – это была его душа. Мне и раньше приходила в голову мысль, что звезды – это человеческие души, но отвергала ее, поскольку людей на земле умерло гораздо больше, чем звезд на небе. А потрясение от увиденной фотографии звездного неба было от того, что моя гипотеза подтвердилась.

«Какая чушь!» – скажешь ты. Тогда опровергни!

Я не собирался ничего опровергать, поскольку она заставила бы меня слетать к одной из звезд. Но такое поэтическое восприятие мира завораживало, особенно сейчас, когда рядом лежала небесной красоты голая девушка, а сверху свисали огромные звезды.

Мы долго молчали, и вдруг я с удивлением заметил, что девочка заснула. Мне не хотелось ее тревожить, хотя в планах было перед сном разместиться под палаткой, так как по ночам на Севане часто идет дождь. Я долго не мог уснуть, хотя в голове была полная пустота. Раньше мне казалось, что человек не может не думать, когда бодрствует, но с Анной стали происходить вещи, которые относились к разряду невозможного явления. Действительно, о чем может думать человек, находящийся на пике счастья?

Утром, когда я проснулся, Анна еще спала детским сном. Повернувшись осторожно набок, я изучал ее спокойное лицо, со слегка припухшими губами. Это была моя сказка, которую впервые не приходилось безнадежно ждать с самого утра – она уже была рядом.

Хотя мне было достаточно лет, мой Хозяин по утрам сообщал мне о своем присутствии. Как ни странно, но я не сразу заметил, что он в ее руке. Об этом я даже мечтать не мог! Думаю, это произошло инстинктивно, во сне, когда она не могла контролировать свое табу.

Я ждал взгляда первого мгновения, когда она откроет свои изумрудного цвета глаза. Однако, когда ее длинные ресницы вспорхнули, освобождая путь взгляду, ничего особенного не произошло. Увидев мое лицо перед собой, Анна не выразила удивления, будто произошла обыденная встреча.

– Доброе утро! – сказала она и улыбнулась. – А это что?

Старик, неужели это твои проделки? Почему он у меня в руке?

– Доброе утро! – ответил я, делая вид, что обижен ее вопросом. – Не рабское это дело обижать свою госпожу. Я не смог бы себе позволить такой бестактности. Возможно, Он сам договорился?

– Ты хочешь сказать, что у него есть язык?

– Для наглости не обязательно иметь язык!

Анна сильно сжала его и, поцеловав меня в губы, лукаво спросила:

– Он всегда такой твердый по утрам?

– Разумеется, нет! – ответил я, возвращая поцелуй, – лишь на Севане.

– Тогда мы чаще будем приезжать сюда!

– Я не против такого предложения. Однако пора заняться туалетом, но на этот раз придется одеться, поскольку по утрам здесь очень холодно.

Быстро одевшись, я вышел из палатки. Действительно, было очень холодно. Завершив процедуры, я вернулся к Анне. Она уже была одета и согревала кофе. Попросив меня посмотреть за кофе, она вышла.

На сборы ушло немного времени, и мы отправились в обратный путь. По предложению Анны, мы решили объехать Севан и вернуться через Мартуни. Было такое впечатление, что ей не хотелось покидать Севан, и она искала повода оттянуть отъезд. Когда мы подъезжали к трассе на Ереван, Анна

решила, что грех не поставить свечи в церкви, и мы свернули на полуостров.

Церковь была расположена на вершине холма небольшого полуострова, который от рождения был островом. Но благодаря бездарным руководителям, построившим каскад гидроэлектростанций на реке Раздан, вытекающей из озера, Севан обмелел, поскольку расчет баланса зеркала озера и количества убытия воды был произведен неверно, благодаря не менее бездарным специалистам. На этом беды Севана не закончились, поскольку другие «специалисты» не задумались о том, что обмеление уничтожит места нереста ишхана, и он погибнет в конкурентной схватке с сигом, который был искусственно разведен в озере. Но на сига тоже нашли управу, но это уже не интересно. Глупость неисчерпаема!

Оставив машину на стоянке, мы стали подниматься по ступенькам к церкви. Если говорить точнее, это был храмовый комплекс, состоявший из двух церквей. Так как было слишком рано, мы не смогли попасть в церковь. Тогда мы решили пройти дальше, чтобы увидеть панораму Севана. Несмотря на раннее утро, по пути мы встретились с группой туристов из Франции. Необжитая часть полуострова представляла собой огромную поляну, покрытую лишь камнями и зеленой травой, вперемешку с полевыми цветами. Здесь не было ни одного дерева, но это было даже к лучшему.

И тут мы, и французские туристы увидели изумительную картину. Метрах в пятистах от нас в самом центре поляны

молодая парочка занималась любовью. Мне показалось, что французы, как и мы с Анной, были восхищены открывшимся пейзажем, в который так гармонично вписывались два обнаженных тела. И я сказал Анне: «Пусть знают французы, что мы не столь отсталая нация, и нам знакомо чувство прекрасного!».

Когда мы вернулись к церкви, она была уже открыта. Анна поставила две свечи рядом и зажгла их. Она смотрела на них и что-то бормотала. А я смотрел на нее как на святую. В церковном полумраке, в дрожащем от свеч свете, она олицетворяла собой ангела неземной красоты.

Выйдя из церкви, я заметил на ее глазах слезы. В таких случаях бессмысленно задавать вопросы о природе слез, поскольку внятного ответа на него нет.

Покатив в Ереван, мы не обмолвились ни словом. Лишь подъехав к развилке на Чаренцаван, Анна попросила свернуть направо, и мы возвратились в нашу столицу через Егвард. Я не находил ничего странного в том, что мы всю дорогу молчали, углубившись в свои мысли. Это была релаксация организма после пережитых эмоций.

Казалось бы, я должен был думать о моей прелестной спутнице, но проклятый мозг мне подкинул иную тему. У армян есть несколько основных святынь, одной из которых является высокогорное пресное озеро Севан. Тысячелетиями на нем существовал остров, с которым связано много событий, воспоминаний и легенд, принадлежащих всем по-

колениям людей, пусть даже давно умерших. И вот приходят чиновники, которые берут на себя, не смелость и ответственность, а наглость разорения святыни, принадлежащей всем армянам со времен Ноя. Но по принципу непогрешимости чиновничьей рати, увидев, что совершили глупость, решили поправить глупость глупостью, вложив несметные средства и усилия на создание пятидесятикилометрового тоннеля, чтобы воды реки Арпа переправить в Севан. Вскоре оказалось, что это привело к новым проблемам, которые чиновники обозвали непредсказуемыми.

Мысли о Севане привели меня к множеству других несчастий, пришедших на судьбу маленького народа. И я задался вопросом: почему из поколения в поколение, на протяжении веков, к политической власти армянского народа приходят наиболее бездарные люди, которые не могут просчитывать свои идеи хотя бы на шаг вперед? Живя лишь сегодняшним днем, их политика, как правило, приводила к разорению, потере земель и уничтожению собственного народа. Каждая нация воспроизводит примерно одно и то же количество людей, приходящихся на душу населения: дураков, умных – и не очень, незаурядных и гениев. Но почему у нас к власти приходят определенного сорта люди, которым трудно приписать наличие большого интеллекта, и у которых наиболее развит хватательный инстинкт?

Естественно, однозначного ответа я не нашел, и подумал: сам-то чего стою, если рассуждаю о всяких глупостях, когда

рядом сидит фантастическое существо?

Въехав в Ереван, проезжая мимо Института физики, я обратился к Анне:

– Как странно, что до сих пор я так мало знаю о тебе. Даже не знаю, где ты живешь и куда тебя сейчас отвезти.

Анна повернула ко мне голову и, с некоторой обидой в голосе, ответила:

– Старик, тебе не стыдно задавать такой вопрос? Наш первый дом был построен на Севане мною, а теперь едем к тебе.

– Ты согласна переехать жить ко мне?

– Это же очевидно, Старик! Ты что возражаешь?

– Ты прекрасно знаешь ответ. О таком счастье я даже не помышлял.

Анна взяла мою правую руку и поцеловала. Меня смутил ее жест, но вывода из него мне не хотелось делать, так как поведение Анны не поддавалось расшифровке.

Подъехав к дому на Монументе, мы поднялись на лифте в мою квартиру. Войдя в дом, Анна тут же побежала рассматривать квартиру, выражая восторг, хлопая в ладоши и подпрыгивая как малое дитя.

– Старик, у тебя потрясающий вкус! Какие огромные окна на весь Арарат! И что за дивные балконы! Боже мой, и это все будет моим! Я даже представить себе не могла, что у тебя столь просторный дом. Хотя теперь понимаю, что, судя по твоим манерам, другого варианта не могло быть. Старик, признайся, что ты меня любишь!

Такой реакции Анны я не ожидал, тем более, требования о признании в любви. Человек, находящийся в моей ситуации, мог подумать лишь одно – что молодая девушка связалась с состоятельным стариком ради выгоды. Я понимал, что все не так, но как – объяснить не мог. В то, что она меня любит как своего мужчину, поверить было исключительно невозможно, несмотря на то, что она всячески внушала мне эту мысль. Возможно, я и уговорил бы себя поверить в эту желаемую сказку, если бы Анна не обладала такой красотой и молодостью.

Я подошел к ней и, обняв за талию, спросил:

– Можно тебя поцеловать?

– Нет! – резко ответила она, – ты мне не ответил!

Я притянул ее к себе и хотел поцеловать в губы, но она увернулась и ударила по щеке. Этот ее поступок совершенно не вкладывался в мое интуитивное восприятие ее образа. Я выпустил ее из своих объятий. Мне показалось, что она ударила меня еще раз и даже закрыл глаза, но услышал ее возглас:

– А это что за прелесть! Я совершенно потеряла голову, не заметив такое чудо сразу.

Анна весело подбежала к концертному роялю и, подняв крышку, стала играть. От неожиданности я присел на диван и слушал. В свое время я очень увлекался классической музыкой, и моим любимым инструментом было фортепиано. Собственно, любовь к музыке привела меня к браку с моей женой, которая была профессиональным пианистом, и рояль

мне достался от нее в качестве наследства. С некоторых пор я перестал ходить на живые концерты, а предпочел слушать великих исполнителей в записи, тем более что современная аппаратура позволяет многое.

Услышав живой звук у себя в доме, я обомлел. Анна играла Скрябина, его этюды. Играла и играла, забыв о моем существовании. Скрябин всегда был для меня «другим» композитором, слушал я его редко, поскольку он уводил меня в иной мир, мир несбывшегося экстаза. И мне пришло в голову: не это ли нас роднит с Анной? Я всегда благодарил Бога, что он наградил меня абсолютным музыкальным слухом, правда, взамен лишил способности играть на инструментах. Возможно поэтому, моей неосуществленной мечтой было желание стать дирижером. Мой слух позволял различать характер настроения музыканта, особенно при исполнении знакомого произведения.

Анна играла для нас обоих, мы были слиты воедино в исполнительской трактовке Скрябина, и здесь не было между нами никаких возрастных различий. В голове у меня промелькнула мысль: не это ли мне столько времени пытается внушить Анна?

Закончив играть, она повернула голову в мою сторону, и я увидел тот самый взгляд. Прокрутившись на вращающемся музыкальном кресле, она ловко сняла трусики и, подойдя ко мне, провела ими по моим губам, произнеся: это Скрябин. Затем, опрокинув меня на спину, стала целовать мое лицо,

шею и грудь. Длилось это недолго. Встав с меня, она весело сказала:

– Старик, мы же с дороги! Пошли под душ.

– А ты что, не хочешь услышать моего ответа?

– А зачем? Я его знаю.

Войдя в ванную комнату, она вновь захлопала в ладоши.

– Какая огромная ванна! В ней можно плавать, – воскликнула она и, сбросив с себя одежду, бросилась открывать краны.

Мне показалось, что в доме появился ребенок, ее детская игривость обескураживала. Ванна быстро наполнилась водой, и Анна, визжа, бросилась в нее. Пенистая вода скрыла ее тело, и из воды торчала лишь голова, с глядящими на меня детскими глазками. Я любил ее! Любил это существо – и ребенка, и девушку, и женщину. Я догадался, за что она меня ударила меня по щеке – кричащая в ней искренность чувств была оскорблена мною. Я кожей почувствовал, что рядом со мной незаурядный человек, который высоко стоит над моим интеллектом, поэтому и не могу вырваться из оков своих предрассудков. Я задержался в своем развитии где-то пятьдесят лет тому назад. Она как-то сказала, что ниспослана Богом, и я воспринял это как некую аллегорию или шутку, но сейчас я, человек неверующий, стал верить в нечто такое. И тут мне вспомнилось, что похожие чувства я испытывал, соприкасаясь с незаурядными людьми. Сейчас модно говорить о некоей ауре. Не знаю, что это такое, но выдающиеся

люди пленят тебя.

Анна нежилась в воде, не скрывая удовольствия. И я подумал: какое малое количество людей умеют радоваться жизни, не сдерживая себя условностями! Чтобы раскрепоститься, они обращаются или к алкоголю, или к наркотикам. Какая глупость!

Наконец она встала во весь рост, вся в пене. Было такое впечатление, будто она только заметила меня. С умиротворением в голосе, она попросила:

– Старик, искупай меня, пожалуйста! Только для этого тебе придется раздеться.

Видя мою нерешительность, Анна засмеялась:

– Ты что, стесняешься меня? Скажу честно, ты часто ведешь себя как истинный старик. Что мне с тобой делать? Мы же на Севане договорились, что между нами будет отсутствовать стыд. Хорошо! Я постараюсь избавить тебя от этого недуга.

Я подчинился ей и, раздевшись, вошел в ванну. Анна вручила мне мочалку и спокойно стала ждать моих действий. Пикантность ситуации заключалась в том, что для того, чтобы ее искупать, пришлось бы нарушить ее же табу. Она, как всегда, прочла мои мысли:

– Старик, не переживай! Не нарушаешь ты никакого табу, а лишь моешь уникальный экспонат.

– Ты что, задалась целью убить во мне мужчину?

– Думаю, тебе будет трудноато лишь первое время.

Со временем привыкнешь. Считай, что ты в Лувре моешь женскую статую, созданную одним из гениев.

– Надеюсь, ты шутишь!

– Ты слишком много говоришь, вместо того, чтобы заняться делом.

Подчинившись, я взял в правую руку намыленную мочалку, а в левую душ, и принялся за дело. Несмотря на то, что на Севане она ходила весь день передо мной голой, и всю ночь мы пролежали, прижавшись телами, мои впечатления от совершенства ее тела и кожи, когда я проходил мочалкой по всем ее женским выпуклостям, были другими. К сожалению, я не обладаю даром описания неопишуемого.

Закончив ее купать, я решил взяться за себя, но она не позволила, заявив, что теперь ее очередь заняться моим телом. Все бы ничего, но я стал беспокоиться за поведение моего Хозяина. Анна точно угадывала мои мысли, и чтобы поставить все точки над «и», начала с Него. Не буду говорить о возникших проблемах, но Анна всерьез решила отучить меня от стыда! Однако мои мучения на этом не закончились.

Закончив купание, она расстелила большое махровое полотенце на диване и легла на него спиной, широко расставив ноги. Я отвернулся и решил выйти из комнаты, но она, как ни в чем не бывало, попросила принести ее сумочку, оставленную в ванной комнате. Когда я принес ей сумочку, она сказала:

– Старик, там должны лежать мои бритвенные принад-

лежности, достань их, пожалуйста.

Я выполнил ее просьбу и хотел вновь уйти, но она не отпустила:

– Послушай, Старик, кто тебя так смущает, что стремишься убежать от меня? Ты уже видел все, во всех ракурсах, неужели этого недостаточно, чтобы относиться ко мне без ненужных эмоций?

– Милая Анна, у меня нет твоего таланта, управлять своими чувствами. Да я бы и не хотел такого, ибо это убило бы во мне мужчину.

– Следуя твоей логике, мужчины-гинекологи лишены мужских качеств?

– Мне трудно за них отвечать, но их выбор профессии, уверен, был связан с желанием непосредственного общения с Нею. О результатах ежедневного общения могу лишь догадываться.

– Что-то наш разговор заходит не в то русло. Давай поговорим откровенно на эту тему, и закроем ее раз и навсегда. По моему мнению, наши отношения исключительно хороши, мы стали необходимы друг другу. Единственная проблема для осуществления полной гармонии между нами, это мое желание не терять девственность. Придет время, и ты узнаешь истинную причину такого решения. Понимаю, ты мужчина, и если я являюсь твоей женщиной, то Она должна принадлежать тебе. Принимаю это и дарю ее тебе, ставя лишь единственное условие: сохранение девственности. Па-

радокс? Не спорю. Но с этим надо смириться.

Разве плохо было тебе со мной без ее участия? Хотя отрицать ее полное отсутствие, было бы несправедливо.

Старик, мне почему-то сейчас вспомнилась Анна Болейн, которая долго торговала своей девственностью ради короны и стала королевой. Правда, Генрих Восьмой все же изнасиловал ее, но обещание выполнил и повел ее под венец. Но Анна Болейн не учла одного – короли злопамятны. Пришло время, и Генрих решил, что голова ей ни к чему.

И вновь я увидел ее взгляд, сулящий мне блаженство. Анна протянула руки ко мне и сказала:

– Надеюсь, ты меня не изнасилуешь!

Она потянула меня за руки, и я оказался на ней, между раздвинутыми ногами. Не знаю, умеют ли целоваться боги, но ее поцелуи были божественны. Ее рот был невероятно вкусным, хотя слово «вкусный» звучит здесь неподходяще, но другого определения не приходит в голову. И очень быстро моя голова «поехала». Когда в один момент мне удалось вырвать язык из ее рта, и я потянулся губами к ее соскам, она схватила меня за волосы и, приподняв мою голову, нежно прошептала:

– Табу...

– Но я не покушаюсь на девственность! – возразил я.

– Она тоже девственна, мой пылкий старичок!

Не знаю почему, но на этот раз я взбесился и встал. Мне показалось, что с ее стороны ведется какая-то нечестная иг-

ра. В конце концов, я не робот, и не собирался им быть. Мне показалось, что в глазах Анны появилось чувство угрызения совести.

– Пожалуйста, Старик, не обижайся! – произнесла она, – придет время, и ты простишь меня. Нет, это не игра – так надо! В доказательство тому, что я полностью принадлежу тебе, хочу, чтобы ты Ее побрил сейчас. И делал это всегда!

Я посмотрел ей в глаза и всем своим существом ощутил, что являюсь ее рабом. Во мне не было ни воли, ни протеста, ни возмущения – я был ее тенью, никем!

Принявшись за Ее бритье, у меня появился страх. Это было на редкость нежное создание, менее всего предназначенное для такой процедуры, в силу сложности своей конструкции. Но Анна лежала спокойно, без напряжения, уверенная, что я Ее не обижу, и говорила:

– Старик, ты знаешь, я ее брею с тех пор, как на ней появились первые признаки появления волос. И знаешь почему? Как неоднократно тебе рассказывала, я ежедневно изучала свое тело, сравнивая его с другими телами, изображенными на картинах, и ни разу не встретила там волос на лобке. Позже, когда пришла мысль о сохранении девственности, я утвердилась во мнении, что Она всегда должна выглядеть девочкой.

Признайся, Старик, она совершенство, достойное походить на ворота Рая. Думаю, тебе это должно быть понятнее, чем мне. Но она тоже бывает предательницей, как твой Хо-

зьян. Не так ли? Уверена, что она безобразно влажная!

Не знаю, понимала ли Анна, что делает со мной такими разговорами, да еще за моим занятием. Если ей казалось, что этим она достигнет желаемого результата, приучив меня спокойно относиться к ее наготы, то бесконечно ошибалась. Ответить на ее вопрос я не мог, так как руки мои подрагивали, и я боялся ее поранить.

Но Анну мое молчание не смутило, и она продолжила говорить:

– Старик, возможно, тебе покажется, что я несу бред по поводу волос на лобке. Тогда расскажу тебе правдивую историю, где эти волосы изменили всю жизнь человека. Звали этого человека Джон Рескин. Он был английским писателем и теоретик искусства. Женился девственником, и когда в первую брачную ночь увидел густые волосы на лобке невесты, что полностью противоречило его юношеским фантазиям и представлениям о молодой девственнице, то не смог к ней притронуться. Они вместе прожили несколько лет, и развелись, где в качестве повода для расторжения брака послужила ее девственность, что она блестяще доказала, предъявив ее наличие изумленным врачам. На этом трагедия его не завершилась. Он влюбился в десятилетнюю девочку, у которой на лобке еще не было волос. Разумеется, с ребенком у него не могло быть каких-либо отношений, просто говорю об этом как об известном факте.

Закончив свою работу, я подтвердил:

– Она действительно является прототипом Ворот Рая!

Такой реакции Анны на мое высказывание я не ожидал.

Она вскочила на диван и, обняв меня за шею, радостно спросила:

– Правда, она прелестна?

Эта девочка сводила меня с ума своей непосредственностью и непонятными восторгами. В такие минуты я ощущал себя истинным идиотом.

– Старик, а я проголодалась, – сказала она, уткнувшись своим носом в мой нос, – что у тебя есть в холодильнике?

– Зачем нам холодильник. Не лучше ли поесть нашего традиционного шашлыка?

Вспышку в ее глазах я принял за безусловное согласие. Позвонив Сергею, я попросил прислать еду на дом. Он записал адрес и сказал, что шашлык будет примерно через час. Анна повисла на моей шее, обхватив ногами талию. Ее ненасытные поцелуи сводили меня с ума. В такие минуты казалось, что большего мне и не надо – черт с ней, с этой девственностью!

Мы сели за стол напротив друг друга и, взяв ее ладони, я стал изучать ее пальцы.

– Ты не только не используешь маникюр, но и не отращиваешь ногти, – сказал я, – так поступают музыканты.

– Не только музыканты. Но пианистки – точно! – согласилась она.

– Ты заканчивала консерваторию? Почему спрашиваю –

слишком хорошо владеешь инструментом для непрофессионала.

– Какой-то ты странный, Старик. Что означает «непрофессионал»? Если человек чем-то увлекается, то должен доходить до самой сути. Помнишь, у Пастернака: «Во всем мне хочется дойти до самой сути»? Я росла в музыкальной среде и не могла не увлечься музыкой. Некоторую часть своей жизни я посвятила фортепиано, работая как одержимая. Понятно, для того, чтобы «дойти до самой сути», необходимы соответствующие способности. Скажем, я люблю поэзию, и даже начала писать стихи, но быстро поняла, что у меня нет поэтического таланта. Но здесь надо сделать оговорку: не обязательно быть поэтом, чтобы чувствовать глубину поэзии. Не обязательно быть художником, чтобы восторгаться Модильяни. Здесь нет новой мысли, но иногда об этом надо говорить.

– А кто был твоим судьей, определившим несостоятельность твоих стихов?

Анна посмотрела на меня удивленно и сказала:

– Как – кто? Я! Если ты что-то ощущаешь нутром, то не можешь не быть оценщиком этого предмета. Если я не буду понимать бездарность своих стихов, значит, не смыслю в поэзии. Составлять рифмы лучше всех могут компьютеры.

– А ты не допускаешь мысли, что написанное тобой стихотворение может оказаться для кого-то близким?

– Старик, прости, но ты говоришь ерунду. Не хочу даже

комментировать.

– Принимаю твою реплику, но не так категорично. Пусть твои стихи не на уровне Высокой поэзии, но они дают сведения о тебе. Пройдет время и, прочтя их, ты вспомнишь себя той, вчерашней. Да и мне было бы интересно, поскольку из-за твоей скрытности мне приходится тебя собирать по крупицам. Давай так – ты рассказываешь одно из твоих стихотворений, а я, услышав его, еще чуть-чуть приближусь к пониманию твоей сути.

– У меня нет по этому поводу комплексов. Пожалуйста, слушай:

Подснежники

Из выцветшего снега,
Презрев ночной мороз,
Как девственница в неге,
Цветок весны пророс.

Нежнейшие подснежники,
Небесной чистоты,
Наперекор валежнику,
Раскрыли лепестки.

Вдохнули жизнь упрямую
В уснувшие поля,
Взбудрили землю талую,
Вскричав: пришла весна!

И птицы обезумели
От этих дивных слов,
Крича до поздних сумерек,
По-птичьи: славься, Бог!

Анна продекламировала стихотворение спокойно, не стараясь делать какие-то акценты. Я с любовью посмотрел на нее и сказал:

– А мне понравилось. Чувствуется, что написано женщиной.

– В том-то и дело, что – женщиной! – несколько раздраженно, ответила она. – Стихи, как и музыка, не могут быть женскими или мужскими.

Немного задумавшись, я ответил:

– Не согласен я с тобой. Вспомни Марину Цветаеву, выдающуюся поэтессу. В каждой ее строчке кричит женщина! Поэзия, как и музыка, может взорвать тебя изнутри, и увести в мир, который ты не в состоянии описать, потому что, его реально не существует, как не существует души. А если и существуют души, которая превращается в звезды по твоему утверждению, то в них нет разделения по половому признаку. И если женщина выплескивает свое женское нутро наружу в виде обезумевших строчек, означает ли это отсутствие в них поэзии?

– Старик, ты как-то заумно говоришь, уж слишком по-мужски. Но я не буду спорить.

– Тогда откройся еще немного и скажи: Скрябин твой любимый композитор?

– Произведения Скрябина я обожаю. Но с подтекстом твоего вопроса я не согласна. Кроме Скрябина, я люблю и всех остальных композиторов. Любой человек, причисленный к лику композиторов, сумел передать через музыку свое душевное состояние на момент написания произведения. В моем понимании, душа несет в себе неопишное количество оттенков эмоций, и композитор их отображает в музыке. И мы выискиваем мелодию по нашему настроению, которая гармонирует с настроением автора на момент ее написания. А автором может оказаться кто угодно.

Когда я вошла впервые в твой дом, во мне заговорил Скрябин, а результат ты и услышал, и почувствовал...

Анна, прочтя на моем лице смущение от последнего слова, широко улыбнулась и сказала:

– Старик, я очень упрямая и не сдамся. Я добьюсь своего, и ты перестанешь краснеть при каждом намеке на мои трусики. Ты привыкнешь смотреть на мое тело без вожделения, а лишь как на произведение искусства. Ты будешь брить меня ежедневно и достигнешь уровня безразличия гинеколога. Но все в меру! Иногда мы будем нарушать эти правила.

Сказав это, она посмотрела мне в глаза, и в них было то, ради чего стоило жить. Но продолжения не было, поскольку в дверь позвонили. Нам принесли еду.

Анна стала накрывать на стол. Явственно почувствова-

лось, что дом нуждался в наличии в нем женщины. Этот непреложный факт всегда будоражит мужчину, особенно когда по каким-то причинам он становится холостяком. Я уже много лет жил один, и мне казалось, что такая жизнь устраивает. Но стоило появиться женщине, как мгновенно почувствовалась ее необходимость в доме. Дух женщины привносит в него некую нежность. На кухне появилась хозяйка! Я следил за тем, как Анна сервирует стол, заодно знакомясь с кухонным хозяйством, и понимал, что нахожусь в состоянии непрерывного счастья. В меня вселилась убежденность, что мне дано иметь две жизни – до Анны, и сейчас. Она меня привела в мир, о существовании которого я не подозревал – мир естественности, откровенности и чистоты. Мир, который она излучала, создавал обстановку, в которой есть все, и не надо было о чем-либо мечтать, так как мечта уже была в нем.

Она дала мне понять, что невозможно приукрасить обнаженное тело никакой одеждой, когда на Севане сняла стринги – эти маленькие трусики, казалось, ничего не прикрывали, но эффект был огромен. Единственное, что носила на себе Анна, когда мы оставались вдвоем – это золотой крест на цепочке.

Мы сели за стол напротив друг друга, и я разлил по бокалам вино. Неожиданно для меня, Анна предложила тост:
– Старик, я предлагаю выпить за то, чтобы ты никогда не сожалел о том, что в твоей жизни появилась я. Сейчас те-

бе кажется, что такой исход невозможен. Как знать!

– «Как знать, быть может, те мгновенья, что протекли у ног твоих, я отнимал у вдохновенья!» – продекламировал я Лермонтова. – Но эти строки не для меня, так как ты и есть суть моего вдохновения. Чтобы ни произошло в дальнейшем, подаренная тобою сказка уже возместила все возможные невзгоды. Я готов выпить за любое твоё желание. Будь рядом!

Мы чокнулись, и хрустальный звук бокалов разлетелся по комнате. Анна отметила профессионализм Сергея, который прислал исключительно все, что необходимо для стола. Мне приятно было такое внимание по отношению к Сергею.

Обстановка за столом напомнила мне молчание при возвращении из Севана. Я решил не проявлять инициативу и ждал тему для разговора, которую предложит моя очаровательная собеседница. Время от времени мы бросали взгляды друг на друга и улыбались. В один момент, глядя на ее жуящий ротик, мне захотелось получить оттуда пищу, но на этот раз такого предложения не было. Иногда мне становилось не по себе, когда она угадывала мои мысли. Вот и на этот раз она правильно распознала мой взгляд и хитро улыбнулась. Однако никаких действий с ее стороны не последовало.

Следующий ее тост меня обескуражил:

– Этим бокалом предлагаю выпить за завтрашний день, который еще на один шаг приблизит меня к задуманной мечте. Утром мы пойдем подавать заявление на оформление

нашего брака.

Среагировать быстро на такое заявление было невозможно. Заметив мое смятение, она спросила:

– Ты возражаешь?

– Могу ли я возражать? Во-первых, по определению – нет, поскольку являюсь твоим рабом. Во-вторых, при всей моей богатой фантазии, я не сумел бы даже подумать об этом. Но поскольку ты задала вопрос – отвечу. Разумеется, не будь внешнего мира, мы бы и не ставили такого вопроса. Жили бы вместе, пока смерть не разлучит нас. До сих пор ты почти презирала наше окружение, а теперь предлагаешь идти к нему на поклон. Для чего? По той простой причине, что официальная регистрация брака таит в себе юридические последствия.

– Очевидно, Старик! Ты скоро умрешь в авиационной катастрофе, и все достанется мне как законной супруге. Звучит, понимаю, грубо и меркантильно, однако такова жизнь!

– Ради тебя я готов на что угодно, но у меня есть сын!

– Во-первых, обещаю, что все достанется твоему сыну, поверь мне! Во-вторых, из наших разговоров я поняла, что твой сын достаточно обеспечен, и тебе не надо особенно беспокоиться о нем. Я имею в виду, в материальном плане. В-третьих, почему ты не берешь меня в расчет?

– Извини, Анна, об этом я действительно не подумал. Просто твое предложение оказалось для меня слишком неожиданным. С тех пор, как мы вместе, я нахожусь в со-

стоянии эйфории, и в этом направлении я не мог думать. Да и по закону жанра, предложение тебе должен был делать я. Как мужчина!

– Что ж, Старик, ты действительно обескуражен и думаешь с трудом. Не сложно догадаться, что ты никогда не сделал бы мне предложения выйти за тебя замуж. Но не потому, что не хотел бы! В нашей ситуации инициатива должна была исходить от меня, что я и сделала. Так мы выпьем за завтрашний день?

Я встал из-за стола и подошел к ней с бокалом вина. Мы чокнулись, после чего я поцеловал ее в губы. Выпив до конца вино, она вновь повисла на мне, и ее язык свел меня с ума.

Когда мы выпили по бокалу вина, Анна как-то сникла. Видимо, перепила, да и просто устала. Взяв на руки, я отнес ее в спальню, где она тут же уснула. Все же мне было неудобно ходить голым по комнате, и я одел халат. По телевизору транслировали футбол «Барселона» – «Арсенал». Раньше для меня такого класса встреча была праздником. Но сейчас кроме Анны в голове ничего не было. Действительно, я приобрел вторую жизнь. Сидя в кресле, я не заметил, как уснул. Проснувшись рано утром, мне показалось, что нахожусь во сне. Телевизор работал, а на мне, уютно устроившись на коленях и уткнувшись в грудь, сладко спала моя девочка. Так безмятежно спят лишь дети, и Анна была одной из них.

Проснувшись, Анна была удивлена не меньше моего, что находится не в постели. Закончив с утренними процедура-

ми, мы сели завтракать. И тут она спросила у меня:

– Старик, ты состоятельный человек? В конце концов, я должна знать, за кого выхожу замуж!

– На этот вопрос невозможно ответить однозначно – все слишком условно. У меня есть некоторые сбережения и небольшая фирма, в которой работают доверенные люди. Все дела я передал в руки молодежи, и вмешиваюсь в работу, лишь тогда, когда необходимо принять принципиальные решения.

– Судя по квартире, зарабатываешь ты неплохо. Для будущей жены, это немаловажный фактор. Теперь о сегодняшнем дне. Я подумала и решила, что заявление о регистрации нашего брака лучше отнести мне одной. Сам понимаешь, будет много неприятных вопросов и подозрений из-за разницы в возрасте.

– Согласен с тобой, но если я не пойду, это вызовет еще большее подозрение, да и моя подпись понадобится.

– На этапе подачи заявления, это не столь важно, тем более что, в этой стране деньги решают все. С этим я справлюсь. Теперь о самом щепетильном. Для подготовки к браку мне необходимо закончить некоторые дела, и для этих целей мне необходимо двадцать тысяч евро.

– Анна, для меня это очень большие деньги.

– Ты хочешь сказать, что я их не стою?

– Тебе хочется обязательно уколоть меня?

– Нет, Старик, дело не в этом. Деньги – некий эквивалент

всему. Пожалуй, через отношение к ним легче всего познать человека. О высоких материях говорить могут многие, и могут выглядеть безупречными. Но если вдруг дело доходит до каких-то материальных затрат, то весь интеллект некоторых субъектов начинает с успехом работать на то, чтобы обосновать излишество этих расходов.

– Согласен. Но все это характеризует и того, кто требует этих затрат. В нашем случае нет вопросов. Принимая твой тезис, что все можно оценить деньгами, то твое отношение ко мне, да и ты сама, стоят столько, сколько я не заработал за всю свою жизнь. А если еще учесть, что мне осталось жить немного, то задача имеет однозначное решение. Кстати, Анна, откуда в тебе такая уверенность в том, что мне осталось не только мало жить, но и умереть в авиакатастрофе? Можно было бы даже с этим согласиться, но ты предсказываешь и то, что я погибну именно по пути в Минск, когда уеду от тебя. В конце концов, сейчас существует столько рейсов, что я могу сесть в другой самолет.

– Старик, ты говоришь таким тоном, будто я желаю тебе смерти. Где-то в душе ты винишь меня в том, что я сказала об этом. Но я считаю, что, если есть возможность знать дату своей смерти, это хорошо, так как можно многое спланировать. Скажем, что делать с наследством.

А откуда мне известно, не могу сказать, поскольку не знаю. Дар предвидения во мне с детства. Поэтому, как бы ты не менял рейсы, разобьется именно тот самолет, в кото-

ром будешь лететь ты.

– Оригинально! Тогда нет вопросов. Что ж, поскольку мы собираемся стать супругами, необходимо узнать друг друга ближе. Если я правильно тебя понял, то начнем с меня, хотя ты обо мне знаешь гораздо больше, чем я о тебе. Но это дело наживное. Начнем изучать меня с денег. Часть своих сбережений я храню в этом сейфе. Ты хочешь всю сумму сейчас?

– У меня складывается такое впечатление, что ты на меня обиделся. Если есть проблемы – не давай. Как видишь, деньги приводят к длинным разговорам.

– Нет, Анна, я же сказал, что весь нахожусь в твоей власти, и без тебя мне уже ничего не нужно.

Я вытащил из сейфа двадцать тысяч евро и передал ей. Она еще попросила мой паспорт, чтобы пойти с ним в мэрию для подачи заявления. Я понимал, что если на это смотреть со стороны, то все походит на безумство. Ведь я до сих пор не знал о ней ничего – ни адреса, ни фамилии, ни родителей. Однако для меня уже ничего не имело значения, лишь бы она была рядом, пусть даже с призрачным будущим.

Поцеловав меня в щечку, она ушла, сказав, что ей надо завершить все свои дела, чтобы полностью принадлежать мне.

Я ждал ее целый день, даже накрыл стол, чтобы отметить день подачи заявления на наш брак. Настали и вечер, и ночь, но Анна не появлялась. В этой ситуации было не понятно, как поступить. С одной стороны, она меня уже приучила

к своим исчезновениям, с другой – ситуация принципиально поменялась, и я имел основания беспокоиться за нее.

Я вновь оказался в глупой ситуации, когда не знал, где и как ее искать. Разумеется, спать я не мог, и лишь наутро уснул в кресле, а проснувшись, никакой девочки рядом не было.

Хотя дома у меня и есть телефон, он редко звонит. Поэтому, когда он зазвонил, я удивился, хотя тут же подумал, что это Анна, поскольку она записала мой номер телефона. Но это была не она. Звонили из мэрии и сказали, что Мария попросила, чтобы я зашел за своим паспортом, который она оставила у них. Когда я выразил свое удивление, что никакой Марии не знаю, голос в трубки еще более удивился. «Вы подавали заявление на брак?» – спросила женщина в трубке. Я ответил, что действительно подавал. «И что, не помните, как зовут вашу невесту?» – съязвил голос в трубке.

Я ответил что-то невнятное и поблагодарил за звонок. Дело принимало совершенно непонятный оборот. Забрав в мэрии паспорт, я не задал там никаких вопросов, поскольку выглядел бы шутком. Естественно, в голову приходили разные варианты. Может, Анна хочет выдать за меня какую-то Марию? Но это было бы несерьезно, так как без моего согласия такое невозможно, даже за большие деньги. Более естественным вариантом было то, что она, пользуясь своей красотой, нашла такой способ зарабатывать деньги, прикрываясь байкой о сохранении девственности. Но эту мысль я отбросил,

поскольку не представлял себе, чтобы можно было так безупречно сыграть роль удивительной девушки. Но может, мне просто не хотелось лишаться своих иллюзий? Деньги-то были настоящими!

Мне не хотелось плохо думать о ней. В конце концов, с ней мог произойти несчастный случай. Два дня у меня ушло на то, чтобы обойти больницы и полицейские участки. Но это не дало результата. Тогда я решил проверить еще один вариант – ее отъезд из республики. Имея при себе такие деньги, Анна могла уехать куда угодно. Если эта версия была справедлива, то наиболее реальный способ отъезда был самолет. Но как мне было проверить это, если я не знал даже ее фамилии? Следуя утверждению Анны, что за деньги в Армении можно сделать, практически, все, я решил проверить аэропорт.

Для начала надо было подключить знакомых, имеющих отношение к авиации. К сожалению, таких людей в круге моего общения не было. Да если бы и были, то не работали бы из-за возраста. Нужно было поискать среди молодежи, и я вспомнил Карена, тем более что у него была работа, связанная с различными клиентами. Эта мысль оказалась правильной, так как Карен познакомил меня с нужными людьми.

Надо признать, что всегда интересно общаться с людьми из сферы, которая тебе не знакома. Так и сейчас, когда я выложил свою просьбу человеку из службы безопасности полетов, он сразу отверг вариант поисков некоей Анны без фами-

лии по списку пассажиров, а предложил просмотреть записи видеонаблюдения на паспортном контроле. Правда, на это ушло много времени и денег за услугу, но я был доволен, поскольку был исключен еще один возможный вариант поиска Анны. Среди отлетающих пассажиров Анны не оказалось.

Казалось, я сделал все, больше в голову ничего не приходило. Конечно, можно было бы попытаться найти ее через какую-то Марию, ведь в мэрии должны были остаться ее данные, но такой вариант мне был неприятен.

В конце концов, я пришел к выводу, что бессмысленно ее искать. Хотя я и потерял приличную сумму денег, меня это устраивало, поскольку то, что уже мне дала Анна своей молодостью и красотой, стоило гораздо больше. Во всяком случае, для меня. Единственное, что из материального осталось от нее – это стринги и их запах, сводящий меня с ума.

Я снова стал ходить каждый вечер в «Киликию», хотя понимал, что она туда больше не придет. Все это напоминало хождение на кладбище к близкому человеку. Сергей был тонким психологом и понимал, что произошло нечто для меня неприятное и, скорее всего, с Анной, но вопросов не задавал. Я был благодарен ему за молчаливое соучастие в моих проблемах.

Прошла неделя, когда вновь зазвонил телефон. Естественно, находясь непрерывно в мире Анны, чтобы не произошло, я с надеждой связывал это с ней. Звонила женщина и сообщила, что прилетела из Лондона, где в аэропорту

Хитроу к ней подошла девушка и очень просила передать небольшой пакет для меня. Я поблагодарил и договорился встретиться с ней у памятника Таманяна.

У меня появилась надежда! Женщина, передавшая мне пакет, ничего не могла сказать о девушке в Хитроу. Единственное, что она подтвердила, в ответ на мой вопрос, она была очень красива. Как жаль, что я не могу описать состояние счастья! Мне не терпелось попасть домой. Я взял такси и, поднявшись к себе, дрожащими руками раскрыл пакет. Там были стринги, на которых фломастером было написано: «после Британского музея». И записка с адресом электронной почты.

Я приложил стринги к губам – это был ее запах! Я бросился к компьютеру и написал: «Анна, ты ли?». Больше из дому я не выходил, ожидая ответа. Ответ пришел лишь на следующий день.

«Привет, Старик! Знаю, что зол на меня, ну и черт с тобой! Думаю, мой подарок поднимет твое настроение. Я давно мечтала посетить Британский музей, где можно окунуться в прошлое человеческой цивилизации. Насколько огромное впечатление я ощутила там, почувствуешь, когда будешь целовать мой подарок. Я тебе говорила, что была во многих странах в процессе изучения того или иного языка. Так что в Лондоне я не впервые, и это один из самых замечательных городов мира. Присылаю тебе фотографию, которую считаю прекрасной. На ней огромный парень держит ме-

ня на одной руке как большую охапку дорогих цветов. Но это не цветы – это я! Мы с ним познакомились случайно. До него мне не приходилось встречать такого красивого чернокожего человека. Все было в нем завораживающее – и лицо, и фигура, и рост, и улыбка. Он уловил мой взгляд и подошел ко мне. Познакомившись, я попросила его сделать этот снимок. Разумеется, он захотел продолжить знакомство со мной.

Твоя скорая супруга Анна»

Как всегда, она искусно смешала все мои чувства – радость, ревность, надежду и неопределенность. Письмо было похоже на издевку, но, немного подумав, я успокоился. Ведь за все надо платить! И я платил за свое неприемлемое бесстыдное отношению к девушке.

Я ответил ей, задавая глупые вопросы, но ответ получил через пару дней в виде телефонного звонка. На этот раз был Париж, Орли. В присланном пакете были лишь стринги с надписью «Лувр».

На следующий день я получил по электронной почте письмо.

«Старик, Лувр каждый раз во мне все переворачивает, да и сам Париж – не менее. Вчера познакомилась с белокурой приятной девушкой, которая являлась участницей марша лесбиянок. Присылаю фото, где мы с ней за стойкой бара. Хороша, не так ли?

Твоя Я.»

Что надо было понимать, прочтя это? Все что угодно!

Главное – что она свободна, мне неподотчетна и я ее раб. Раб в ее понимании. Но ведь она обещает вернуться! На письмо я не ответил, так как понял, что это ее не интересует, и стал ожидать нового звонка. Какой я способный ученик!

На этот раз самолет был из Амстердама, а на стрингах надпись «секс». Что ж, осталось дожидаться комментариев!

Письмо пришло утром.

«Мой великодушный нервный Старик! В хороших домах принято отвечать на письма, но ты человек восточный, и я тебя прощаю. Как ни странно, в Нидерландах я впервые. Чем мне нравится Европа, так это своим разнообразием, хотя на первый взгляд такое утверждение выглядит несколько странным.

Улица Красных фонарей вводит тебя в какой-то виртуальный мир, особенно если ты человек с Востока. Мне было не до Музея Ван Гога. Я «поплыла» и мне пришла в голову оригинальная идея. Если помнишь, я говорила, что люблю смотреть красивое порно. И мне захотелось увидеть все в натуре. Сначала я позвонила в Париж и предложила моей знакомой лесбиянке приехать ко мне. Ты не представляешь, как она обрадовалась, предполагая заполучить меня! Но я ее весьма разочаровала, предложив ей мужчину. Ее возмущению не было предела. Она говорила, что физически не переносит мужчин, ей даже противно об этом думать, и что прекраснее женщины ничего нет. Короче, я выслушала весь набор известных высказываний сообщества лесбиянок, а за-

тем предложила деньги за то, чтобы мужчина лишил ее девственности в моем присутствии. Я начала с двух тысяч евро. Она обиделась, сказав, что так я ничего и не поняла. Я удвоила сумму. И тут я заметила процесс работы денег в ее голове. Началась новая философия, объясняющая жестокие противоречия бытия. Выслушав и это, я добавила еще две тысячи. Начались новые компромиссы, и мы остановились на восьми тысячах, но при условии, что мужчине она не откажет, ни в чем.

Получив ее согласие, я позвонила в Лондон и предложила парню, с которым ты меня видел на фото, эту сделку. Хотя с ним тоже были определенные проблемы, но уговорить было легче. Он же мужчина! Более всего его интересовало, красива ли она. Я ответила, что очень даже, плюс ко всему, девственница!

И все же, мне показалось, что главным было для него то, что при этом буду присутствовать я. К нему у меня была лишь одна просьба – чтобы он лишил ее девственности во всех возможных смыслах и на деле убедил, что мужчина создан для женщины. Он ответил, что не подведет, лишь попросил подтверждения моего присутствия на этом действе. И он его получил!

Понятно, что я не буду описывать мною увиденное, скажу лишь, что оба они были великолепны, а мир получил новую неповторимую женщину. Тогда я подумала, что в лесбиянстве повинны мужчины.

Что касается меня, то мой подарок из Амстердама ты получил!

Завтра лечу в Рим, в Ватикан.

Твоя невыносимая Анна».

Как говорят, лед тронулся! Впервые Анна сообщила мне о своих планах назавтра. Я вспомнил свои первые чувства любви в молодости. Юношеская любовь описана не раз, и она достойна этого. Однако то, что происходило со мной сейчас, превосходило многократно те ранние чувства. Я ждал ее, ждал и ждал. Убавляло ли мне это количество лет, обещанных Анной, не знаю, но чувства, присущие лишь молодым, возросли.

Хотя поступки Анны мне казались сумасбродными и непоследовательными, я ее не винил и объяснял тем, что мы люди разных эпох, случайно столкнувшиеся в неподвижной пространственно-временной точке, откуда и исходит непонимание. Почему она скрыла от меня свою поездку, мне было непонятно. Возможно, не хотела лишних разговоров и уговоров? Не знаю. И почему она упомянула Ватикан? Понятно, что, попав на экскурсию в Рим, она не обойдет вниманием Собор Святого Петра. Здесь я поймал себя на мысли, что занимаюсь ерундой – написала в Ватикан, ну и что? Могла бы и не упомянуть его.

Приняв упрек от Анны, я написал ей: «Передашь привет от меня Папе!». Через два дня мне Анна ответила: «Привет Папе передала. Он с благодарностью принял. Лечу в Иеру-

салим. Анна».

«Достойный ответ!» – подумал я.

Через три дня Анна позвонила мне по телефону и попросила встретиться ее в Тбилиси, поскольку рейсов Тель-Авив – Ереван не существовало.

В Тбилиси я не был давно, хотя всегда любил и город, и его жителей. Вообще грузины всегда вызывали у меня симпатию. Они умеют веселиться! Как мне кажется, это очень важная характеристика людей, говорящая о многом.

В Тбилиси я выехал засветло. Действительно, у меня началась вторая жизнь, но наполненная другим качеством. К тем юношеским чувствам первой любви добавились мотивы зрелого человека, тем самым, создав уникальную смесь восторгов. Я мчался к неповторимой девушке, живущей в придуманном ее мире, в котором ей предназначалось выполнить особую миссию.

Есть сумасшествие двух видов: одно – как медицинское заболевание, другое – как состояние души. Сумасшествие Анны не подходило ни к первому, ни ко второму случаю. В ней было что-то неземное. Она искренне верила, что общается с Богом и выполняет некую миссию, требующую от нее сохранения девственности. Не знаю, была ли это творческая наивность или сумасшествие третьего типа. А может, с ума сошел я? Пожалуй, такой вариант более справедлив, ибо мощь женской красоты всепоглощающая!

Миг ожидания близкого человека в аэропорту знаком миллионам и миллионам людей, и этот миг никто и никогда не сможет описать, так как для каждого он свой. Рейс из Бен-Гуриона прибыл на четверть часа раньше. Через некоторое время стали выходить люди прибывшего рейса, но Анны все не было. Сколько было поглощенных мигнов! Но где мой?

Она не вышла – она бежала, чтобы броситься мне на шею и прильнуть к моему рту. Это был наш миг, созданный небесной девушкой, который не имеет повторений. «Она действительно от Бога!» – пронеслось у меня в голове. Анна не отпускала меня, и мне показалось, что на нас стали обращать внимание. Какую загадку мы для них представляли!

Мы сели в машину, и я предложил Анне остаться на день в Тбилиси, но она категорически отказалась, сказав, что хочет скорее попасть домой. Меня устраивало ее любое желание, лишь бы быть рядом с ней. В Марнеули мы зашли покушать хинкали. Понятно, что грузинское блюдо надо кушать в Грузии! Честно говоря, меня всегда удивляло, почему национальные блюда всегда вкуснее на их родине – ведь рецепт известен! Но большее удивление вызывало одно – почему Анна рядом?

С удовольствием поев, мы продолжили путь на Ереван. Анна устроилась на заднее сидение и укрылась пледом.

– Старик, не обижайся на меня – я немного полежу, – сказала она, извиняясь.

Я остановил машину, чтобы достать из багажника подуш-

ку. Она с благодарностью на меня посмотрела и чмокнула в щеку. Я сел за руль, когда почувствовал укус Анны за мочку уха и шепот: «Это запах разлуки». Как и прежде, она приложила свои трусики к моим губам, отдав их мне. Затем вновь устроилась на заднее сидение и сладко уснула.

В Шулавери у меня произошла неприятность, которую ненавидят все водители – спустило заднее колесо. Когда я открыл багажник, чтобы вытащить запасное колесо, ко мне подошла толпа подвыпивших молодых людей. Была ночь, а на заднем сиденье спала моя принцесса. Надо признаться, я немного испугался. Ребята что-то говорили по-грузински, потом один из них на ломанном русском языке предложил свою помощь. Я поблагодарил и отказался. Тогда один из них залез в багажник и вытащил оттуда домкрат. О чем-то говоря между собой и смеясь, они быстро сменили колесо, аккуратно собрали багажник и протянули мне руки для прощания. Я не знал, как их отблагодарить и хотел дать денег. Они явно оскорбились, и, поняв это, я поблагодарил их, отдав одному из них свою визитку.

Подъехав к таможне, я попросил не будить мою внучку, отдав ее паспорт для штампа. Пограничники с обеих сторон были вежливы и приветливы, и мы вернулись на родину.

При выезде из Ванадзора, Анна проснулась и сказала, что хочет пи-пи. Я остановил машину в удобном месте, и она, решив свою проблему, вернулась на переднее сиденье.

– Старик, мы скоро будем дома? – спросила Анна.

– Примерно через полтора часа, – ответил я.

– Слава Богу! Ужасно соскучилась по дому, – и, сделав паузу, сказала: – по тебе тоже. А что ты делал без меня столько времени?

– Тебе не стыдно задавать такой вопрос?

– Ты же знаешь, что я бесстыдница! – ответила она и засмеялась.

– Конечно, ты спокойна за мою жизнь, уверенная, что от этого я не умру. Ты ведь предрекла способ моей смерти, так что, я тоже могу быть спокоен.

– Обожаю твой сарказм! Наконец-то я поняла, почему люблю тебя.

– Вот ты и раскрыла главный секрет – за что меня любишь! Ответа на этот вопрос я так и не нашел. Ты даже представить себе не можешь, сколько я над ним мучился.

– Старик, мы однажды договорились, что более темы возраста касаться не будем. И все же кое-что скажу. Мужчины твоего возраста не могут не замечать молодых, красивых соблазнительных девушек. Это факт. Они бы рады были им сделать предложение, но не могут себе этого позволить по двум причинам. Первая – моральная. Вторая – знают, что получат возмущенный отказ. Теперь возьмем обратный вариант. Почему ты думаешь, что девушка не может влюбиться в мужчину, который много старше нее? Причин на это может быть сколь угодно, не буду их перечислять. Так что здесь равноправие. Но все же, у девушки есть преимущество – и я

им воспользовалась!

– Ты, как всегда, убедительна! Теперь отвечу на твой вопрос. Искал, искал, искал, а затем – ждал, ждал, ждал.

– Извини меня, Старик, – сказала она и неожиданно заплакала.

Я с трудом переносу плач, особенно, детей. Как часто я не понимаю ее! Мне не понятна была причина такой реакции на мои слова.

– Анна, почему ты плачешь? Я ведь сказал то, о чем ты прекрасно знала сама.

– Я не знаю, почему плачу. Скорее всего, из-за того, что соскучилась по тебе, а ты все время меня упрекаешь.

Мне стало не по себе. Она действительно права. И все из-за моего эгоизма. Любя другого, человек любит себя! Вернее, так: человек любит другого человека для себя. Даже в собственном ребенке он любит себя, ища в нем сходства с собой.

Чтобы успокоить ее, я сказал:

– Извини, пожалуйста. Я веду себя не как мужчина – все время жалуюсь. Но ты умная девочка и поймешь меня легко. Я просто обожаю тебя, и любое твое движение воспринимаю остро. Наверно, любовь, как и смерть, делает всех равными. Юношеская любовь жестока своим максимализмом. Но то, что происходит со мной сейчас выходит за рамки разумного объяснения. В юности почти все влюбленные пишут стихи. Делал это и я. Слава Богу, я быстро бросил это занятие.

Но ты меня вернула в детство, и за время твоего отсутствия,
мне пришли в голову такие строчки:

Коснулся талии – и вздрогнул!
За этим был особый мир:
Спина, колени, шея, бедра —
Что необузданно любил...

Но время создает руины
И каждый день свое «вчера»,
Уж слишком яростны морщины,
Все смехотворнее слова:

Слова восторга от изгибов
И совершенства женских рук,
Слова о том, что что-то было
И оборвалось как-то вдруг.

Ты – Вавилон, ты – Рим, Египет...
Ей нужен нынешний Париж!
И двери в новый мир закрыты.
А вздрогнул – испугался лишь.

Анна ответила не сразу. Я добился главного – она перестала плакать. Чуть погодя, она сказала:

– Глупые стихи. В твоём возрасте стихов не пишут. Душаю – и не влюбляются. Ты просто принял то, что само пришло к тебе в руки. Разумеется, тебе это льстит, доставля-

ет удовольствие, создает иллюзии о возможности возврата к прошлым блаженствам. Все это ты обозвал любовью. Так не бывает! Любовь – это прерогатива молодости. Поэтому я с уверенностью говорю, что влюбилась в тебя. Я пользуюсь правом молодости и поэтому иногда плачу. И «нынешний Париж» – не про меня! А твой плач – и в стихах тоже.

– Мне трудно возразить, потому что не знаю, что ты понимаешь под любовью.

– Любовь – это когда ты что-то теряешь. Хотя бы голову. А что ты можешь потерять? Лишь деньги. За те деньги, которые ты мне дал, можно было бы заполучить много красивых девочек, как девственниц, так и умелых развратниц. И не было бы у тебя глупых проблем, как со мной.

– Мне такой вариант знаком. Но ведь я не пошел на него!

– Откуда мне знать?

– Как странно, Анна! Мы столько времени не виделись, а наш разговор похож на выяснение отношений.

– Все правильно, если мы собираемся стать супругами.

– Тогда я должен задать вопрос: кто такая Мария?

– Я думала, что этот вопрос ты мне задашь раньше. Мария – это я.

Такой ответ был для меня неожиданным. Примерно километр я молчал. Мы уже проехали Спитак, и скоро должны были быть дома. Поскольку мы вели разговор, то ехали медленно. Наконец я задал ей вопрос:

– Тогда почему ты назвалась Анной?

– Анной назвал меня ты, и чтобы подыграть тебе, я согласилась. Но это дало мне пищу для размышлений. В процессе нашего общения, ты подталкивал меня к одной гипотезе, к которой я шла шаг за шагом. И она подтвердилась перед моим отъездом, когда рассматривала у тебя дома фотоальбом.

Я почувствовал свое сердце. Это плохой признак, когда человек начинает чувствовать свои внутренние органы.

– И что ты там увидела?

– Увидела тебя молодого. Но не только это. В первый раз я подумала об этом, когда ты назвал меня Анной и сказал, что на груди у меня большие родинки. Я тебе показала их – это были соски. Но я не сомневалась, что ты имел в виду не их. Родинки были на груди моей матери, которую звали Анной, а я была очень похожа на нее. Здесь не надо было обладать большим умом, чтобы прийти к определенным выводам. Далее. Когда ты познакомил меня с Кареном, мне показалось, что это твой сын, поскольку уловила между вами сходство. Это меня и взбесило тогда. Такие знакомства мне каждый раз напоминают случку. И когда я в фотоальбоме увидела твои фотографии в молодости, все встало на свои места. Но не это было главным. Там была фотография моей мамы. Во мне разыгрались смешанные чувства, похожие на ревность, любовь и обиду. Я поняла, что мне необходимо уехать от тебя, не знаю на сколько, но уехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.